

XX ВЕК
ВЕЛИКИЕ ТАЙНЫ ИСТОРИИ

ОКОПНАЯ ПРАВДА ВОЙНЫ

О ЧЕМ
ПРИНЯТО
МОЛЧАТЬ

О.С. Смыслов

Великие тайны истории. XX век

Олег Смыслов

**Окопная правда войны.
О чем принято молчать**

«ВЕЧЕ»

2015

Смыслов О. С.

Окопная правда войны. О чем принято молчать /
О. С. Смыслов — «ВЕЧЕ», 2015 — (Великие тайны
истории. XX век)

ISBN 978-5-4444-8919-2

«Война – это живая, человеческая поступь навстречу врагу, навстречу смерти, навстречу вечности. Это человеческая кровь на снегу... Это брошенные до весны солдатские трупы... Это постоянный голод, когда до солдата в роту доходит вместо пищи подсоленная водица, замешанная на горсти муки, в виде бледной баланды. Это холод на морозе и снегу, в каменных подвалах, когда ото льда и изморози застывает живое вещество в позвонках. Это нечеловеческие условия... на передовой, под градом осколков и пуль. Война – это как раз то, о чем не говорят, потому что не знают...» Эти слова участника тяжелейших боев на Калининском фронте в 1941–1943 гг. гвардии капитана А. Шумилина могут стать эпиграфом к книге О. Смыслова, рассказывающей о той правде прошедшей войны, о которой и до сих пор молчат историки, журналисты и писатели. Книга выходила ранее в другой серии.

ISBN 978-5-4444-8919-2

© Смыслов О. С., 2015
© ВЕЧЕ, 2015

Содержание

От автора	6
1. Брестская крепость, Аджимушкайские каменоломни и заградотряды (О беспримерном героизме, трусости и борьбе с ней)	8
2. Пехотинцы-окопники (Навстречу смерти)	24
3. Солдатская доля, или О вытянувших всю войну	44
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Олег Сергеевич Смыслов

Окопная правда войны.

О чем принято молчать

© Смыслов О.С., 2015

© ООО «Издательство «Вече», 2015

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

Сайт издательства www.veche.ru

* * *

*Светлой памяти Сергея Ивановича Смылова, героически
погибшего 1 декабря 1942 года, и всем солдатам-окопникам, павшим и
живым, посвящается...*

От автора

Правда – истина на деле, истина во образе, во благе; правосудие, справедливость.

В. Даль

Окоп – фортификационное сооружение открытого типа для ведения огня и защиты личного состава и военной техники от средств поражения.

Военный энциклопедический словарь, 1983 г.

Через несколько лет мы будем торжественно отмечать очередной юбилей Победы в Великой Отечественной войне. Но война еще не ушла с нашей земли.

Очень часто бывая на Смоленщине, мне приходилось видеть обвалившиеся, обмелевшие и заросшие травой окопы, ржавые гильзы и ржавые пробитые каски. Груда металла, борта полуторок, резина и множество предметов военного снаряжения до сих пор разбросаны по лесам и в воде, в местах отступлений, переправ и кровопролитных сражений. Но самое главное это кости и черепа солдат, которые каждый год находят, и не только поисковые отряды.

Я пишу об этом с болью в душе как внук солдата-окопника, как сын ветерана Вооруженных Сил СССР, как офицер.

Мы, живущие в стране, победившей фашизм, до сих пор не похоронили с почестями своего последнего солдата, потому что и в XXI веке не знаем точное число погибших.

Мы до сих пор не наградили всех тех, кто кровью и потом заслужил свои медали и ордена в годы войны, потому что не всех еще разыскали. Да и разыщем ли?

Между тем каждый год от нас уходят ветераны. Почти не осталось окопников. А сколько их встретит следующий юбилей? Мы не знаем.

«Окопная правда» в литературе пришла к нам от плеяды молодых писателей фронтового поколения. Свою правду войны они противопоставили лакированным произведениям обласканных властью писателей. За что их клеймили. Однако, несмотря ни на что, они смогли донести до миллионов правду из окопа. Они доказали своими произведениями, что и там есть правда, которую нужно разглядеть. Собственно, война начинается с окопа, с передовой, с «передка». Там жили и умирали солдаты: восемнадцатилетние, тридцатилетние, сорокалетние. И еще моложе, и еще старше...

Однажды писатель Константин Симонов, выступая на конференции, сказал: «Никто не имеет права сказать, что знает войну досконально. Войну в целом знает народ, и народ надо расспрашивать о ней».

Не одно десятилетие и я расспрашивал народ о войне, работал в архивах, посещал библиотеки, много читал и записывал. И вот наконец решился донести до читателя накопленную мной «окопную правду» солдат, офицеров, генералов и маршалов Великой Отечественной войны. Но прежде в жанре литературной мозаики я попытался посмотреть изнутри на 22 июня 1941 г. и катастрофу Западного фронта. С чего, собственно, и начиналась наша Великая Победа над НАШЕСТВИЕМ Германии. Именно таким необычным словом назвал вторжение германских войск на территорию Советского Союза русский писатель Борис Васильев. В статье «Последний парад», опубликованной им в «Новой газете» в юбилейном 2005 г., он писал: «Потому что было НАШЕСТВИЕ, какого Россия не знала со времен зачатия своего. По сравнению с ним татаро-монгольское вторжение оказалось всего лишь набегом. Татары не трогали церквей и монастырей, и победитель немецких рыцарей на льду

Чудского озера Александр Невский быстро уговорил их принять Россию в Орду на правах вассального государства.

Всякое историческое событие имеет свою отдачу. Мы испытали потрясение, которое сотрясает нас до сей поры».

И каждый раз, ступая на целину истории Великой Отечественной войны, мы только приближаемся к истине, разрушая мифы и разоблачая ложь, создаваемые «для нашего же блага» десятилетиями. Но история – наука точная. И мы, потомки Победителей, не имеем права забывать об этом. Ведь память – это участие. Участие не в переписывании истории, а в воссоздании ее на фактах «окопной правды».

1. Брестская крепость, Аджимушкайские каменоломни и заградотряды (О беспримерном героизме, трусости и борьбе с ней)

Случайно или закономерно, но первый величайший подвиг в Великой Отечественной войне совершили бойцы и командиры именно Брестской крепости.

22 июня 1941 г., буквально через четыре минуты после начала артподготовки с той стороны, штурмовой отряд немцев в составе пехотной роты и саперов на 9 резиновых моторных лодках приступил к выполнению поставленной задачи по захвату мостов. А еще через 11 минут вторая пехотная рота противника с саперами взяла железнодорожный мост через Буг. Всего же немцам понадобилось 45 минут, чтобы с о громадными потерями захватить два моста, соединяющие Западный (Пограничный) и Южный (Госпитальный) острова с центральной частью Брестской крепости – Цитаделью. При этом, повторюсь, их потери были огромными...

Всего же на взятие крепости военачальники Гитлера планировали не более восьми часов. Но неожиданное ожесточенное сопротивление и огромные потери сорвали эти планы.

22 июня в 4 часа утра немцы открыли ураганный артиллерийский и минометный огонь по казармам и по выходам из казарм, по мостам и входным воротам крепости. Прицельно били они и по домам начсостава. Цель самая что ни на есть обыкновенная: вызвать замешательство среди бойцов и командиров и уничтожить их.

В результате командиры не могли попасть в казармы, а бойцы в одиночку и группами, чаще всего раздетыми, самостоятельно выходили из крепости.

Как сообщалось в одном из кратких боевых отчетов: «В результате личный состав 6-й и 42-й дивизий, а также других частей остался в крепости в качестве ее гарнизона не потому, что ему были поставлены задачи по обороне крепости, а потому, что из нее невозможно было выйти».

Русский писатель Борис Васильев впервые попал в крепость летом 1961 г. «Ничего еще не было построено, подправлено, отретушировано: глубокая, торжественная и, как мне показалась, гордая тишина стояла в крепости, и только осколки, которыми была усеяна вся земля, хрустели под нашими ногами», – вспоминает он.

Далее Борис Львович пишет: «Мы попали в крепость через Северные ворота: тогда это был единственный вход в нее. Левее нас оказался тот самый форт (редут), в котором упорно оборонялась последняя организованная группа защитников под командованием майора П.М. Гаврилова, и мы прошли сначала в него и опять попали в тишину, но тишину, грохотавшую очередями, взрывами и выстрелами внутри каждого из нас, и я рассказывал все, что знал, тихо, боясь потревожить этот внутренний грохот. Потом мы перешли к развалинам домов комсостава, постояли там, вспомнив капитана Шабловского и его жену Галину, перешли по мосту Мухавец и оказались на территории Цитадели. Трехарочные ворота были взорваны еще в 1954 г., когда в крепости еще стоял наш гарнизон, распоряжением какого-то безродного в полном смысле этого слова начальника, слева располагалось здание, где совсем недавно разместился музей, но мы пошли прямо. Мы осмотрели разбитую церковь, за обладание которой отдали жизнь сотни наших бойцов, оттуда прошли в руины казарм 333-го полка. Почти у каждого окна сохранившегося подвала с потолка свисали сталактиты расплавленного кирпича – следы огнеметных обстрелов: здесь скрывались уцелевшие женщины и дети, отсюда они вышли сдаваться, когда не осталось ни еды, ни перевязочного материала, а за котелок воды из Мухавца приходилось расплачиваться жизнью. Здесь командовал бесстрашный старший лейтенант Потапов, здесь же воевал и Гаврош Брестской кре-

пости 15-летний Петя Клыпа. Затем через развалины Тереспольских ворот вышли на берег Буга, вдоль Кольцевой казармы, иссеченной осколками, дошли до Холмских ворот, до места расстрела комиссара Ефима Фомина, и уже оттуда вернулись в музей».

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Проект крепости на Буге, разработанный военными инженерами Опперманом, Малецким и Фельдманом был утвержден в 1833 г. Однако впервые предложение о строительстве оборонительных укреплений у слияния рек Буга и Мухавца возникло задолго до Отечественной войны 1812 г. А в ходе нее подтвердилась и целесообразность строительства крепости. Она была торжественно заложена 1 июня 1836 г., а построена в 1842 г., то есть через шесть лет.

Брестская крепость имела площадь около 4 квадратных километров. Ее мощную основу составила Цитадель, расположенная на острове, омываемом с юго-запада Бугом, с юго-востока Мухавцом, а с севера ее рукавом. Опоясанная сплошной кирпичной двухэтажной казармой и в тоже время оборонительной стеной длиною в 1800 метров, крепость насчитывала 500 казематов с подвалами и сетью подземных ходов и была способна разместить до 12 тысяч человек своего гарнизона, защищенных двухметровыми стенами.

Русла двух рек прикрывали Цитадель рвами, заполненными водой. Но основой ее прикрытия стал земляной оборонительный вал, тянувшийся более чем на шесть километров с высотой в десять метров по внешней окружности. Кольцо бастионов и других крепостных сооружений прикрывало крепость с внешней стороны. Брестские и Холмские ворота туннелями выводили из цитадели к мостам через Мухавец и далее на бастионы крепости, а Тереспольские находились против моста через основное русло Буга. Всего же четверо ворот вели к предмостным укреплениям

В 1864 г. крепость усиливают, а в 1878 г. вокруг нее сооружается оборонительный пояс с 9-ю фортами в нескольких километрах от кольца бастионов. Форты (отдельные железобетонные сооружения) должны были не просто сдерживать противника, но и не допускать ведение по крепости артиллерийского огня.

В самой крепости находились: Белый дворец, Комендантский дом, крепостная церковь, Арсенал и Инженерное управление.

На рубеже XIX–XX веков Брест стал крепостью первого класса и главным форпостом России на западной границе.

В конце августа 1915 г. при отступлении русской армии Брестская крепость была оставлена без боя, а ее некоторые оборонительные сооружения взорваны. В том числе и большинство фортов.

В период Гражданской войны и в начале Второй мировой войны отдельные участки крепости также подвергались разрушению. Частично пострадали здания Белого дворца и Инженерного управления. С 1920 г. по 1939 г. в крепости размещались войска Польской армии. При них-то и были значительно восстановлены казарменный фонд крепости и часть фортов.

Более того, они построили дополнительно несколько казарм для солдат и жилые дома для офицеров.

В сущности, когда Красная Армия вошла в Западную Белоруссию, Брестская крепость перестала быть крепостью. Более или менее поддерживались казармы, все служебные и жилые помещения, склады и арсенал. «Это привело к тому, – пишет Борис Васильев, – что земляные валы крепости осели, заросли деревьями и кустарниками, многие рвы обмелели и заболотились. Никаких оборонительных сооружений в ней уже не строилось».

Генерал-полковник Л.М. Сандалов вспоминал: «Осмотр крепости оставил у нас не очень отрадное впечатление. Кольцевая стена цитадели и наружный крепостной вал, опоясанный водными преградами, в случае войны создавали для размещавшихся там войск чрезвычайно опасное положение. Ведь на оборону самой крепости по окружному плану предназначался лишь один стрелковый батальон с дивизионом. Остальной гарнизон должен был быстро покинуть крепость и занять подготавливаемые позиции вдоль границы в полосе армии. Но пропускная способность крепостных ворот была слишком мала. Чтобы вывести из крепости находившиеся там войска и учреждения, требовалось по меньшей мере три часа...» Тем не менее к началу войны в Бресте скопилось огромное количество войск, не считая госпиталя. Вследствие чего для размещения личного состава были приспособлены часть складских помещений, а также восстановлены некоторые форты крепости. На нижних этажах казарм даже устраивались нары в четыре яруса, что достаточно четко подчеркивает плотность размещения...

Тереспольские ворота. Именно здесь, где дни и ночи сражались пограничники 9-й погранзаставы, 3-й комендатуры Брестского погранотряда и бойцы 333-го стрелкового полка, была найдена надпись: «Нас было пятеро: Седов, Грутов И., Боголюб, Михайлов, Селиванов В.

Мы приняли первый бой 22.VI.1941 г. – 3.15.

Умрем, но не уйдем!»

Там же на куске штукатурки чем-то острым было написано: «1941 год. 26-го июня. Нас было трое. Нам трудно, но мы не пали духом. И умираем как герои».

На штукатурке здания костела, что в центре крепости, другие ее защитники и герои написали: «Нас было трое москвичей – Иванов, Степанчиков, Жунтяев, которые обороняли эту церковь, и мы дали клятву – не уйдем отсюда. 1941 год. Июль».

Но ниже была еще запись: «Я остался один, Жунтяев и Степанчиков погибли. Немцы в самой церкви. Осталась последняя граната, но живым не дамся.

Товарищи, отомстите за нас. 1941 г.».

Но не только сами герои оставляли памятные надписи перед своей смертью, тем самым опровергая на века какие-либо сомнения в их мужестве и стойкости в те страшные первые дни войны. Главный диверсант Гитлера – Отто Скорцени, принимавший участие в штурме советской крепости, был совершенно искренен, когда признавался в очевидном: «Мы захватили все внешние оборонительные сооружения, но мне приходилось пробираться ползком, ибо вражеские снайперы били без промаха. Русские отвергли все предложения о капитуляции и прекращении бесполезного сопротивления. Несколько попыток подкрасться к крепости и завладеть ею штурмом закончились неудачей. Мертвые солдаты в серо-зеленых мундирах, усеявших пространство перед крепостью, были красноречивым тому свидетельством. Русские сражались до последней минуты и до последнего человека».

Л.М. Сандалов

В течение только 22 июня германская 45-я пехотная дивизия при штурме крепости потеряла лишь убитыми более 300 человек. Эти потери впервые для нее оказались небываемыми. До 30 июня немцы потеряли 482 человека убитыми и свыше тысячи ранеными. В сравнении с общими потерями германской армии на Восточном фронте на этот день (8886), вклад защитников Брестской крепости составил более 5 процентов.

В этот же день немцы заявили о полном взятии крепости. Но сопротивление советских бойцов и командиров продолжалось там еще очень долго.

В районе Трехарочных ворот оборону возглавил капитан Зубачев, в северной и северо-восточной частях Цитадели – лейтенант Виноградов; у Тереспольских ворот – старший лейтенант Потапов, на Кобринском укреплении – майор Гаврилов.

«Организованные группы вели активную оборону, – пишет Б. Васильев. – Не хватало оружия и боеприпасов, практически не было еды, защитники очень страдали от жажды, а ту воду, что удавалось с огромным риском добывать, отдавали пулеметам, детям и раненым. Стояла жара, в Цитадели разлагались тысячи трупов, от смрада многие теряли сознание. В подвалах прятались женщины и дети. И хотя женщины не только ухаживали за ранеными, но и отважно помогали отбивать атаки, их необходимо было вывести из крепости хотя бы во имя спасения детей. Когда надежда на помощь извне окончательно была утрачена, женщины и дети с белым флагом вышли из подвалов. Немцы не стреляли, и бойцы успели в это время напиться и запастись водой. Следует отметить, что многие из этих женщин через год были расстреляны под Жабинкой».

«Все меньше защитников оставалось в крепости. Тут вместе с ними были дети и женщины, тут же умирали раненые. Кончались патроны. Не было пищи, не было воды. Вода текла от стен в десяти метрах, но добыть ее было нельзя. Смелчаков, ночью рискнувших ползти к берегу с котелками, сейчас же настигали пули. Пробовали рыть в казематах колодцы, на веревках бросали в реку простыни, подтянув назад, выжимали из них в котелок грязную жижу. Из-за гари, пыли и трупного смрада невозможно было дышать. Но как только немецкие автоматчики поднимались, обреченная крепость открывала огонь. Уже пал Минск.

16 июля немцы вошли в горящий Смоленск, а крепость продолжала бороться. В десятки раз превосходящие силы немцев расчленили оборонявшихся, но не могли их сломить. К бойницам и амбразурам фашисты подвели огнеметы.

Нельзя без содрогания думать о том, что было в подземных казематах. Кирпич от огня и тот плавился и застывал черными сосульками. Крепость истекала кровью, но не сдавалась», – подчеркивал в своей книге В. Песков.

Выцарапанные на стене казармы слова «Умираю, но не сдаюсь! Прощай, Родина! 20/VII-41» стали символом защитников Брестской крепости.

А день 23 июля 1941 г. считается заключительной датой обороны. В этот день без сознания был пленен майор Петр Михайлович Гаврилов. Однако, по утверждению жителей Бреста, «до конца 1941 г. из крепости в военные госпитали города доставляли раненых немецких солдат. Те, кого мобилизовали убирать трупы и оружие, рассказывают, что зимой 1941–1942 гг. они видели перебежавших из развалин в развалины людей в изодранном обмундировании» (Б. Васильев).

Командир 45-й дивизии генерал Шлиппер в очередном боевом донесении подчеркивал:

«Наступление на крепость, в которой сидит отважный защитник, стоит много крови. Это простая истина еще раз доказана при взятии Брестской крепости. Русские в Брест-Литовске дрались исключительно настойчиво и упорно, они показали превосходную выучку пехоты и доказали замечательную волю к сопротивлению».

А ведь крепость не сдалась. Более того, ни одно из знамен воинских частей, сражавшихся в крепости, не досталось немцам.

В феврале 1942 г. 45-я германская пехотная дивизия была разгромлена под Орлом. Тогда же в качестве трофея советские солдаты захватили весь архив этого элитного соединения. А спустя некоторое время выдержки из боевого донесения о взятии Брестской крепости были опубликованы в газете «Красная Звезда».

Именно тогда в Советском Союзе впервые узнали о великом и нравственном подвиге ее героических защитников.

* * *

В мае 1942 г. немецко-румынские войска под командованием генерала от инфантерии Эриха фон Манштейна перешли в наступление в Крыму. Несмотря на двукратное превосходство советских войск, они нанесли главный удар по левому флангу Крымского фронта, где держала оборону 44-я армия. Не менее половины всех сил противника обрушилась на южную оконечность линии фронта, а на северном и центральном участках Манштейном была проведена лишь демонстрация наступления, которое получилось лишь после прорыва южной группировки Крымского фронта.

Уже к вечеру первого дня противнику удалось прорвать советскую оборону на 5 км участке и на глубину до 8 км. Танки моторизованной бригады «Гроддек» сразу же ринулись к Керченскому проливу, где находились переправы, соединяющие Крымский фронт с таманским берегом. Еще до проливного дождя, который пошел 9 мая, немцам удалось отрезать 44-ю армию от тыловых позиций. Решению этой задачи способствовала также высадка шлюпочного десанта, в составе всего лишь батальона, который оперативно поддержал наступление.

11 мая 22-я танковая дивизия достигла северного побережья Керченского полуострова. За ней шла 170-я пехотная дивизия и 8-я кавалерийская бригада румын. Вечером 14 мая немецкие танки появились на западных окраинах Керчи, а 16 мая 170-я пехотная дивизия взяла город.

Перед угрозой окружения всего Крымского фронта и его полного уничтожения советским командованием было принято решение до последней капли крови оборонять рубеж: берег Азовского моря западнее Юрагина Кута – поселка Аджимушкой и Колонка, чтобы отстоять переправы, через которые на Тамань уходили основные силы фронта. Такая задача была поставлена командующему 51-й армии.

14 мая сводный отряд на этом оборонительном рубеже возглавил бывший командир 138-й горнострелковой дивизии, а с марта 1942 г. – начальник отдела боевой подготовки штаба фронта полковник П.М. Ягунов. В его отряд вошли: резерв командно-политического состава фронта, 1-й Запасной стрелковый полк и подразделения отступающих войск.

Прикрывая отход фронта, отряд Ягунова смог продержаться до 18 мая, когда оборона города, по существу, закончилась.

15 мая сводный отряд был атакован двумя ротами противника при поддержке 16 танков. Село Аджимушкой было потеряно. На следующий день попытка выбить немцев оказалась безуспешной, из-за отсутствия артиллерийской поддержки. Утром 16 мая бойцы и командиры Ягунова сражались в полуокружении. Связь с подразделениями и частями, кроме охранявших подступы в каменоломни, была утеряна. Тогда же утром Ягунов получил приказ: «Отход и эвакуация вашего участка обороны по особому приказу».

«Полковник Ягунов честно выполнил приказ, обороняя поселок Аджимушкой, – рассказывал после войны генерал Д.Г. Козлов. – Он не имел приказа на отход, а на вывод из окружения у него едва ли были силы, так как он не имел ни пушек, ни танков. Связь с Ягуновым была прервана, и восстановить ее не удалось, несмотря на усиленные попытки арьергарда 51-й армии прорваться к окруженным...»

В полночь 21 мая, в помещении, специально оборудованном под штаб, было проведено первое совещание командного и политического состава. Под желтый свет электрической лампы присутствующие командиры (полковник Ягунов, старший батальонный комиссар Парахин, полковник Верушкин, подполковник Бурмин, майор Колесников, майор Пирогов, главврач госпиталя Асеев) решали: выходить ли из окружения, прорываясь на Большую землю или же держаться до прихода своих, превратив каменоломни в неприступную крепость.

Ягунов, обращаясь к командирам, сказал, что войска фронта, по всей видимости, на Таманском полуострове, а, значит, поставленная задача отрядом выполнена. Потом он предложил высказаться остальным. Майор Колесников предложил прорываться. Майор Пирогов тоже предложил выходить из окружения, учитывая, что провианта хватит максимум на 12 дней. За прорыв высказался и военврач Авсеев.

Подполковник Бурмин обрисовал ситуацию оптимистичнее всех: «На длительную оборону мы не способны, но, по-видимому, нам и не придется здесь долго оставаться одним. Наши войска снова перейдут в наступление. Им будет необходима помощь, которую мы и окажем. Мы ударим по вражеским тылам, расстроим оборону побережья. А чтобы успешно выполнить эту задачу, надо всех людей, что находятся в катакомбах, – а их, наверное, тысяч восемь или десять, – учесть, разделить по подразделениям и свести в единую боевую часть».

«Необходимо превратить катакомбы в крепость и отсюда, из-под земли, бить врага в спину, пока не придет помощь с Большой земли или пока останутся силы. Это трудно, будут жертвы, но это возможно», – заключил Ягунов.

После сведения всех подразделений и групп в отдельный полк обороны Аджимушских каменоломен, а также назначения командного и политического состава полка, была готова и перепись всех бойцов и командиров. В нем было учтено до 12 тысяч фамилий. Тем не менее люди все прибывали. В результате полный список составил 15 тысяч человек.

Кроме резерва фронта и 1-го запасного стрелкового полка, в каменоломнях находились бойцы и командиры 77-й и 138-й горнострелковых дивизий, 156, 404 и 398-й стрел-

ковых дивизий, 72-й кавалерийской дивизии, 83-й бригады морской пехоты, части 151-го укрепрайона и других.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Керченские каменоломни. Здесь не одно столетие добывали в Аджимушкае известняк-ракушечник, из которого строился город. Пласты его подходили прямо к поверхности. Весьма удобный камень по легкости, прочности и мягкости можно было резать обычной пилой. В результате многовековой добычи известняка образовались подземные лабиринты огромной протяженности.

«Разветвленные подземные лабиринты с запутанными ходами-штольнями, расположенными иногда в два-три яруса, уходящие в глубину на многие десятки метров подземные галереи тянутся на километры, и несведущий человек безнадежно заблудится во мраке подземного города, – пишут авторы книги “Доблесть бессмертна” Г.Н. Князев и И.С. Проценко. – Черная зловещая бездна – такими каменоломни казались завоевателям всех времен, ступавшим на крымскую землю. Сюда, как в крепость, еще в Средине века уходили непокоренные. (...)»

Аджимушкой. В переводе – “горький серый камень” – известняк серого цвета, который вырабатывался в местных каменоломнях...»

До отступления штаб Крымского фронта использовал подземные помещения для размещения тыловых служб, различных складов и баз снабжения. Через широкие входы в каменоломни свободно въезжали грузовые автомашины и конные повозки с оружием, боеприпасами, продовольствием.

Итак, командование подземного гарнизона решило продукты питания растянуть на месяц. Также были определены места складов продовольствия, боеприпасов, госпиталей, медпунктов и места раздачи пищи. Разработали четкий план размещения батальонов, служб и системы обороны, разбив каменоломни на три боевых участка. Организовали посты наблюдения за противником и разведку. Утвердили распорядок дня. Во избежание проникновения вражеских лазутчиков ввели систему пропусков и паролей.

Единственной же огромной проблемой для гарнизона стали несколько тысяч женщин, стариков и детей, укрывшихся в каменоломнях с имуществом и запасами продовольствия к началу обороны. Правда, после первых атак часть мирного населения вышла из каменоломен.

И все же возникает вполне резонный вопрос: как каменоломни, непригодные для ведения боевых действий, с холодными камнями, сыростью и мраком, на долгое время превратились в неприступную крепость? Для современного поколения этот подвиг навсегда останется неразгаданной загадкой. Потому как вряд ли молодые да юные девчонки и мальчишки смогут представить себе все это в самом страшном сне.

Но именно сила духа и непоколебимая воля того поколения смогли победить и жажду, и голод, и холод, и загробную тьму. Ведь именно без таких подвигов, без такого самопожертвования наш народ никогда бы не победил фашизм!

24 мая 1942 г. немцы стали бросать в катакомбы дымовые шашки и гранаты, пустили в катакомбы газ. Это была самая первая многочасовая газовая атака, в ходе которой в адских муках умерли сотни людей.

В ночь на 25 мая они повторили атаку, направив в отдушины и трещины от обвалов шланги, через которые нагнетался газ. Более того, они стали бросать в катакомбы уже не шашки, а баллоны с газами. И если от ядовитого дыма, пахнущего хлором, можно было как-то спастись, то от газа некуда было скрыться. Он не выходил наружу.

В эти мгновения нечеловеческого ада по приказу Ягунова по радию в эфир было передано: «Всем, всем, всем! Мы, защитники Керчи, задыхаемся от газа, умираем, но в плен не сдаемся! Ягунов».

От газов погибло не менее 5 тысяч человек. Только за один день умерли 824...

С конца мая, весь июнь и часть июля газовые атаки на каменоломни проводились беспрерывно. Для этих целей из Берлина в Керчь была направлена специальная команда СС, которая работала в Аджимушкаях совместно с 88-м саперным батальоном. Их рабочий день начинался с немецкой пунктуальностью в 10 часов с перерывом на обед и заканчивался в 16.

Один из участников обороны вспоминал: «Для защиты от воздействия газов нами использовались противогазы. У кого не было противогаза, тот делал углубление в полу катакомб, ложился на пол, закрывался плащ-палаткой, опускаясь в это углубление, и дышал. Помогали и горящие костры, у которых газов собиралось меньше. Уходили в глубь катакомб. Туда меньше проникал газ. Основной же мерой защиты от газа стали газоубежища, которые старались расположить в тупиках катакомб, в местах, где меньше надо было делать работ по кладке стен. Стены эти возводили из камня, перекидывая швы кладки плащ-палатками и тряпками, которых много оставалось, после того как гражданское население, выполняя приказ командования, вышло наружу...»

А в это время на Тамани морские пехотинцы ежедневно наблюдали непонятное облако желтого цвета в районе Аджимушкай...

Второй бедой после газов была жажда. «Все колодцы находились вне катакомб, под контролем гитлеровцев. Один из них, с солоноватой водой, – “солёный” – немцы забросали железом, обломками грузовика. А второй, с родниковой водой, – “сладкий” – держали под постоянным обстрелом.

Битва за воду шла ночами. Очередная группа защитников каменоломен внезапным ударом отбрасывала фашистов от колодца и занимала круговую оборону. В эти короткие минуты мгновенно выстраивалась цепочка бойцов, и ведра с драгоценной водой, переходя из рук в руки, одно за другим исчезали во тьме подземелья. Но немного времени было в распоряжении бойцов. Опомнившись, гитлеровцы кидались в контратаку...»

Но через полтора месяца с начала обороны аджимушкайцам удалось на глубине около 15 метров достичь водоносного слоя.

Третьей бедой у подземного гарнизона считался голод. Последняя продовольственная норма в сутки на человека составляла: хлеба – 200 граммов, 10 граммов жира, 15 граммов консервов, 100 граммов сахара. Позже урезали и ее. Но безвыходных ситуаций не было. В борьбе с голодом аджимушкайцев выручали ночные вылазки. Группы из-под земли подавляли огневые точки врага, рвали проволочные заграждения со стороны села, отгоняли фашистов и до утра разыскивали продукты.

Через четыре месяца выходы на поверхность практически прекратились.

«В эти дни, – вспоминал участник обороны, – мы походили на обтянутые кожей скелеты, передвигались медленно, через каждые три-четыре шага присаживались отдыхать, легче было переползать. Но с этим мирились... Страшнее было то, что почти не осталось сил выполнять самое необходимое – невероятных усилий требовалось перезарядить винтовку, нажать на спусковой крючок, а после выстрела и отдачи в плечо теряли сознание... Живыми оставались те, кто был молод и здоров, раненые, как правило, умирали, держался тот, кто мог есть все... Кожу ремней и портупей все съели...»

На пятый месяц в катакомбах осталось в живых не более 70 человек.

Другой участник обороны свидетельствовал: «В конце сентября заложили более двадцати однотонных бомб по всей территории, соединили их вместе и одновременно взорвали. Взрывы были очень сильные, во многих местах образовались обвалы, во многих местах стало светло...» А в конце октября 1942 г. немцы подтянули к каменоломням воинские части,

которым помогали несколько автомобилей с динамо-машинами и прожекторами, начали операцию. Но оставшиеся в живых уходили вглубь, отстреливаясь. Чтобы окружить и схватить последних 6 человек, немцам понадобилось двое суток. Среди них было два комиссара (Парахин и Храмов) и подполковник Бурмин. Полковник Ягунов погиб раньше от взрыва неизвестной прежде гранаты.

Сегодня можно услышать из уст обывателя и такие слова: «А зачем они там сидели! Какой толк был в этом?»

Но как можно сытому понять голодного. Ведь кроме массового героизма и самопожертвования, кроме преодоления нечеловеческих условий, участники обороны Аджимуш-кая представляли собой подземную часть Красной Армии, которая очень долго заставляла фашистов бояться! А, кроме того, в эти летние месяцы 42-го немцы не смогли высадиться на Тамань, имея у себя в тылу непобедимый подземный гарнизон.

* * *

Великая Отечественная война начиналась с катастрофического поражения фронтов, с громадных потерь в людях и технике. Цифры потерь впечатляют своими масштабами. За три недели войны перестали существовать около 30 дивизий, около 70 дивизий потеряли более половины личного состава. За три недели было уничтожено около трех с половиной тысяч самолетов на земле и в воздухе, более половины складов горючего и боеприпасов. Тем не менее мощь удара вермахта была значительно ослаблена именно в первые дни, в первые недели... Немцам не удалось самое главное: уничтожить основные силы Красной Армии. Советские бойцы и командиры сражались до последней капли, до последнего патрона...

Об этом очень красочно говорят воспоминания генерал-полковника танковых войск Гейнца Гудериана и фельдмаршала Эриха фон Манштейна. «В 6 час. 50 мин. у Колодно я переправился на штурмовой лодке через Буг. Моя оперативная группа с двумя радиостанциями на бронемашинах, несколькими машинами повышенной проходимости и мотоциклами переправлялась до 8 час. 30 мин. Двигаясь по следам танков 18-й танковой дивизии, я доехал до моста через р. Лесна, овладение которым имело важное значение для дальнейшего продвижения 47-го танкового корпуса, но там, кроме русского поста, я никого не встретил. При моем приближении русские стали разбегаться в разные стороны. Два моих офицера для поручений вопреки моему указанию бросились преследовать их, но, к сожалению, были при этом убиты» (Гудериан).

«Уже в этот первый день нам пришлось познакомиться с теми методами, которыми велась война с Советской стороны. Один из наших разведывательных дозоров, отрезанных врагом, был потом найден нашими войсками, он был вырезан и зверски искалечен... Позже часто случалось, что советские солдаты поднимали руки, чтобы показать, что они сдаются в плен, а после того, как наши пехотинцы подходили к ним, они вновь прибегали к оружию; или раненый симулировал смерть, а потом с тыла стрелял в наших солдат» (Манштейн).

А массовый героизм Бреста, Аджимушкских каменоломен? А оборона Смоленска, Ленинграда, Севастополя, Вязьмы, Сталинграда? Разве мало действительно ярких примеров самопожертвования защитников своей Родины, своего Отечества?

Однако нет же! Для некоторых наших сограждан даже и такие упрямые факты звучат неубедительно. Например, некий господин В. Белоцерковский в «Новой газете» упрямо заявляет: «У огромной массы населения Советского Союза не было желания воевать за режим, принесший им столько страданий». Не менее ярким доказательством он называет «создание летом 1941 г. заградительных отрядов, которые должны были стрелять в отступающих солдат».

Но извините, как можно обыкновенную человеческую трусость объявить «нежеланием воевать за режим?»

О трусости и панике 41-го в своих мемуарах достаточно подробно написали маршал К.К. Рокоссовский и генерал А.В. Горбатов.

«И вот мы стали замечать, как то в одном, то в другом месте, в гуще хлебов, появлялись в одиночку, а иногда и группами странно одетые люди, которые при виде нас быстро скрывались. Одни из них были в белье, другие – в нательных рубашках и брюках военного образца или в сильно поношенной крестьянской одежде и рваных соломенных шляпах. Эти люди, естественно, не могли не вызвать подозрения, а потому, приостановив движение штаба, я приказал выловить скрывавшихся и разузнать, кто они. Оказалось, что это были первые так называемые выходцы из окружения, принадлежавшие к различным воинским частям. Среди выловленных, а их набралось порядочное количество, обнаружилось два красноармейца из взвода, посланного для оборудования нашего КП.

Из их рассказа выяснилось, что взвод, следуя к указанному месту, наскочил на группу немецких танкистов, мотоциклистов и пехоты на машинах, был внезапно атакован и окружен. Нескольким бойцам удалось бежать, а остальные якобы погибли. Другие опрошенные пытались всячески доказать, что их части разбиты и погибли, а они чудом спаслись и, предполагая, что оказались в глубоком тылу врага, решили, боясь плена, переодеться и пытаться прорваться к своим войскам. Ну а их маскарад объясняется просто. Те, кто сумел обменять у местного населения обмундирование на штатскую одежду, облачились в нее, кому это не удалось, остались в одном нательном белье. Страх одолел здравый смысл, так как примитивная хитрость не спасала от плена, ведь белье имело на себе воинские метки, а враг был не настолько наивен, чтобы не заметить их.

Впоследствии мы видели трупы расстрелянных именно в таком виде – в белье.

Воспевая героическое поведение и подвиги войск, частей и отдельных лиц в боях с врагом, носившие массовый характер, нельзя обойти молчанием и имевшиеся случаи паники, позорного бегства, дезертирства с поля боя и в пути следования к фронту, членовредительство и даже самоубийств на почве боязни ответственности за свое поведение в бою.

Нанесенный врагом неожиданный удар огромными силами и его стремительное продвижение в глубь территории на некоторое время ошеломили наши неподготовленные к этому войска. Они подверглись шоку. Чтобы вывести их из этого состояния, потребовалось длительное время. Растерянности способствовали еще причины военного и политического характера, относившиеся ко времени, отдаленному от начала войны. Совокупность важных причин и обстоятельств в определенной степени понизила боеспособность войск в моральном отношении, на какой-то период ослабила их устойчивость и упорство, вывела из равновесия особенно те части, которые вступали в бой неорганизованно. А иные неустойчивые элементы совершенно потеряли веру в свои силы, в возможность сопротивления грозному врагу.

Наблюдались случаи, когда даже целые части, попавшие под внезапный фланговый удар небольшой группы вражеских танков и авиации, подвергались панике...

Боязнь окружения и страх перед воображаемыми парашютными десантами противника в течение длительного времени были настоящим бичом. И только там, где были крепкие кадры командного и политического состава, люди в любой обстановке дрались уверенно, оказывая врагу организованный отпор.

Нужно сказать и о том, что местная печать (областная, республиканская) и даже в некоторой степени центральная, сообщая о диверсантах, переодетых в форму милиционеров, пограничников, сотрудников НКВД, командиров и т. п., якобы наводнивших страну, и призывая к бдительности, одновременно способствовала распространению ложных слухов и панике. Этим стали пользоваться малодушные люди в войсках.

Как пример приведу случай, имевший место на участке, занимаемом корпусом. На КП корпуса днем был доставлен генерал без оружия, в растерзанном кителе, измученный и выбившийся из сил, который рассказал что, следуя по заданию штаба фронта в штаб 5-й армии для выяснения обстановки, увидел западнее Ровно стремглав мчавшиеся на восток одна за другой автомашины с нашими бойцами. Словом, генерал уловил панику и, чтобы узнать причину, породившую ее, решил задержать одну из машин. В конце концов это ему удалось. В машине оказалось до 20 человек. Вместо ответов на вопросы, куда они бегут и какой они части, генерала втащили в кузов и хором стали допрашивать. Затем, недолго думая, объявили переодетым диверсантом, отобрали документы и оружие и тут же вынесли смертный приговор. Изловчившись, генерал выпрыгнул на ходу, скатился с дороги в густую рожь. Лесом добрался до нашего КП.

Случаи обстрела лиц, пытавшихся задержать паникеров, имели место и на других участках. Бегущие с фронта поступали так, видимо, из боязни, чтобы их не вернули обратно. Сами же они объясняли свое поведение различными причинами: их части погибли и они остались одни; вырвавшись из окружения, были атакованы высадившимся в тылу парашютистами; не доезжая до части, были обстреляны в лесу “кукушками” и тому подобное» (Рокоссовский).

«В тот период войны, особенно в первый месяц, часто можно было слышать: “Нас обошли”, “Мы окружены”, “В нашем тылу выброшены парашютисты” и т. п. Не только солдаты, но и необстрелянные командиры были излишне восприимчивы к таким фактам, обычным в ходе современной войны; многие были склонны верить преувеличенным, а зачастую просто нелепым слухам.

Однажды утром я услышал далекую канонаду в стороне Витебска, обратил на нее внимание командира корпуса и получил разрешение поехать для выяснения обстановки. На шоссе я встретил небольшие группы солдат, устало бредущих на восток. Получая на вопросы: “Куда? Почему?” – лишь сбивчивые ответы, я приказывал им вернуться назад, а сам ехал дальше. Все больше видел я военных, идущих на восток, все чаще останавливался, стыдил, приказывал вернуться. Предчувствуя что-то очень нехорошее, я торопился добраться до командира полка: мне надоело останавливать и спрашивать солдат – хотелось поскорее узнать, что здесь случилось. Не доехав километра три до переднего края обороны, я увидел общий беспорядочный отход по шоссе трехтысячного полка.

В гуще солдат шли растерянные командиры различных рангов. На поле изредка рвались снаряды противника, не причиняя вреда. Сойдя с машины, я громко закричал: “Стой, стой, стой!” – и после того как все остановились, скомуандовал: “Всем повернуться кругом”.

Повернув людей лицом к противнику, я подал команду: “Ложись!” После этого приказал командирам подойти ко мне. Стал выяснять причину отхода. Одни отвечали, что получили команду, переданную по цепи, другие отвечали: “Видим, что все отходят, начали отходить и мы”. Из группы лежащих недалеко солдат раздался голос: “Смотрите, какой огонь открыли немцы, а наша артиллерия молчит”. Другие поддержали это замечание.

Мне стало ясно, что первой причиной отхода явилось воздействие артогня на необстрелянных бойцов, второй причиной – провокационная передача не отданного старшим начальником приказа на отход. Главной же причиной была слабость командиров, которые не сумели остановить панику и сами подчинились стихии отхода» (Горбатов).

«А накануне в районе той же Клевании мы собрали много горе-воинов, среди которых оказалось немало и офицеров. Большинство этих людей не имели оружия. К нашему стыду, все они, в том числе и офицеры, спорили знаки различия.

В одной из таких групп мое внимание привлек сидящий под сосной пожилой человек, по-своему и манере держаться никак не похожий на солдата. С ним рядом сидела молоденькая санитарка. Обратившись к сидящим, а было их не менее сотни человек, я приказал офи-

церам подойти ко мне. Никто не двинулся. Повысив голос, я повторил приказ во второй, третий раз. Снова в ответ молчание и неподвижность. Тогда, подойдя к пожилому “окруженцу”, велел ему встать. Затем, назвав командиром, спросил, в каком он звании. Слово “полковник” он выдавил из себя настолько равнодушно и вместе с тем с таким наглым вызовом, что его вид и тон буквально взорвали меня. Выхватив пистолет, я был готов пристрелить его тут же, на месте. Апатия и бравада вмиг схлынули с полковника. Поняв, чем это может кончиться, он упал на колени и стал просить пощады, клянясь в том, что искупит свой позор кровью. Конечно, сцена не из приятных, но так уж вышло. Полковнику было поручено к утру собрать всех ему подобных, сформировать из них команду и доложить лично мне утром 26. Приказание было выполнено.

В собранной команде оказалось свыше 500 человек. Все они были использованы для пополнения убыли в моторизованных частях корпуса» (Рокоссовский).

Но кто-то должен был останавливать трусов, паникеров и дезертиров. Ведь одним командирам это было не всегда под силу. Все подобные факты, приобретающие в начальный период войны нередко массовый характер, послужили вполне серьезным основанием для выхода в свет директивы, адресованной начальникам 3-х отделов военных округов, фронтов, армий, корпусов, начальникам 3-х отделений дивизий. В которой говорилось об организации «подвижных контрольно-заградительных отрядов на дорогах, железнодорожных узлах, для прочистки лесов и т. д., выделяемых командованием с включением в их состав оперативных работников органов Третьего управления с задачами: а) задержания дезертиров; б) задержания всего подозрительного элемента, проникшего на линию фронта; в) предварительного расследования, производимого оперативными работниками органов Третьего управления НКО (1–2 дня) с последующей передачей материала вместе с задержанными по подсудности» (№ 35523 от 27 июня 1941 г.).

В следующем месяце, после объединения НКВД и НКГБ, когда органы Третьего управления НКО были преобразованы в особые отделы и снова подчинены НКВД (как до февраля 1941 г.), нарком внутренних дел СССР Л.П. Берия, разъясняя задачи особых отделов, подчеркнул: «Смысл преобразования органов Третьего управления в особые отделы с подчинением их НКВД заключается в том, чтобы повести беспощадную борьбу со шпионами, предателями, диверсантами, дезертирами и всякого рода паникерами и дезорганизаторами. Беспощадная расправа с паникерами, трусами, дезертирами, подрывающими мощь и порочащими честь Красной Армии, так же важна, как и борьба со шпионажем и диверсией».

Уже 19 июля 1941 г. при особых отделах дивизий и корпусов были сформированы отдельные стрелковые взводы, при особых отделах армий – отдельные стрелковые роты, при особых отделах фронтов – отдельные стрелковые батальоны, укомплектованные личным составом войск НКВД.

Как правило, эти подразделения и части использовались особыми отделами в организации службы заграждения. А именно в выставлении засад, постов и дозоров, на войсковых дорогах, путях движения беженцев, а также других коммуникациях с целью предотвращения какого бы то ни было просачивания военнотружущих, самовольно оставивших боевые позиции. Кроме того, они должны были тщательно проверять каждого задержанного командира и красноармейца с целью выявления дезертиров, трусов и паникеров, бежавших с поля боя. Установленные дезертиры подвергались аресту и находились под следствием в течение 12-часового срока до предания их суду военного трибунала. Отставшие же от части бойцы и командиры под командой проверенных командиров направлялись в штаб соответствующей дивизии.

В исключительных случаях, с целью немедленного восстановления порядка на фронте, начальник Особого отдела имел полное право расстрела дезертиров на месте.

В конце месяца начальник Управления ОО НКВД СССР В.С. Абакумов потребовал укрепить заградительные отряды кадрами опытных оперативных работников, на которых бы возлагался опрос всех без исключения задержанных.

Все лица, вышедшие из окружения, бежавшие из плена, задержанные заградотрядами или выявленные агентурным путем, подлежали немедленному аресту и тщательному допросу об обстоятельствах пленения, побега или освобождения из плена.

16 августа 1941 г. Ставка ВГК издает Приказ № 270 «О случаях трусости и сдаче в плен и мерах по пресечению таких действий». В нем четко и ясно говорилось:

«Командиров и политработников, во время боя срывающих с себя знаки различия и дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу, считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину дезертиров. Обязать всех вышестоящих командиров и комиссаров расстреливать на месте подобных дезертиров из начсостава».

Сегодня в мирное и достаточно сытое время некоторые историки, публицисты и демагоги осуждают все эти, на их взгляд, «бесчеловечные меры». Однако тогда летом сорок первого, в дни великой катастрофы, как никогда стоял вопрос о жизни или смерти нашего Отечества от фашистской чумы. И все рассуждения, нытье, трусость и страх необходимо было преодолеть в максимально сжатые строки.

Даже генерал Д.А. Волкогонов в своей книге «Семь вождей» не смог не признать: «Хотим мы этого или не хотим, но в трагические месяцы начала войны беспощадная страшная воля Сталина смогла заставить многих людей “упереться”, призвать все свое личное мужество на помощь, одолеть свое малодушие под страхом смертельной кары».

Уже в сентябре 1941 г. заградительные отряды постепенно создаются и в составе стрелковых дивизий фронтов. Численностью не более батальона, они должны были оказывать прямую помощь командному составу в установлении или поддержании твердой дисциплины в соединении, останавливать бегство паникеров и ликвидировать инициаторов паники и бегства.

Заградительные отряды также формировали особые отделы и территориальные органы НКВД.

Таким образом, к концу 1941 г. на всех фронтах действующей армии использовались заградительные отряды различной ведомственной принадлежности, а также численности: армейские, особых отделов и территориальных органов НКВД, численностью от групп в несколько человек до состава батальонов. Но всех их объединяли одни общие задачи:

наведение жестокого порядка на тыловых участках фронта, сосредоточение и проверка всех военнослужащих, задержанных без документов, установление и поддержание твердой дисциплины, остановка бегства паникеров и трусов и ликвидация инициаторов паники и бегства.

Например, с 22 июня по 10 октября 1941 г. Особыми отделами НКВД и заградительными отрядами НКВД по охране тыла было задержано 657 364 военнослужащих, отставших от своих частей и бежавших с фронта.

Из них оперативными заслонами Особых отделов задержано 249 969 человек и заградительными отрядами войск НКВД по охране тыла – 407 395 военнослужащих.

Из числа задержанных Особыми отделами арестовано 25 878 человек, остальные 632 486 человек сформированы в части и вновь направлены на фронт.

В числе арестованных Особыми отделами:

шпионов – 1505,

диверсантов – 308,

изменников – 2621,

трусов и паникеров – 2643,

дезертиров – 8772,
распространителей провокационных слухов – 3987,
самострельщиков – 1671,
других – 4371. Всего – 25 878.

По постановлениям Особых отделов и по приговорам Военных трибуналов расстреляно 10 201 человек, из них расстреляно перед строем – 3321 человек.

Один только заградотряд ОО НКВД Балтийского флота с 22 июня по 22 ноября 1941 г. задержал свыше 900 человек. Арестованы и осуждены были 77 человек, из них 11 были расстреляны на месте или перед строем.

Часть задержанных была освобождена за отсутствием состава преступления. Лица же, подозреваемые в дезертирстве из общевойсковых частей, направлены для дальнейшего расследования в другие особые органы.

Заградотрядами Особого отдела НКВД 50-й армии с 15 по 31 октября 1941 г. задержано 2681 человек, из них арестовано 239 человек. В числе арестованных преобладающее большинство, дезертиры. В то же время задержано и изобличено 5 шпионов. По постановлению Особых отделов НКВД расстреляно 38 дезертиров.

28 июля 1942 г. в разгар оборонительных боев был подписан и отправлен в войска Приказ № 227. В отличие от Приказа № 270, этот был более жестким. Но жестокости или жесткости требовала сама обстановка, сложившаяся к этому времени.

В этом документе абсолютно все без сантиментов:

«1. Военным Советам фронтов и прежде всего командующим фронтами:

а) безусловно, ликвидировать отступательные настроения в войсках и железной рукой пресекать пропаганду о том, что мы можем и должны якобы отступить и дальше на восток, что от такого отступления не будет якобы вреда;

б) безусловно, снимать с поста и направлять в Ставку для привлечения к военному суду командующих армиями, допустивших самовольный отход войск с занимаемых позиций без приказа командования фронта; (...)

2. Военным Советам армий и прежде всего командующим армиями:

а) безусловно, снимать с постов командиров и комиссаров корпусов и дивизий, допустивших самовольный отход войск с занимаемых позиций без приказа командования армии, и направлять их в военный совет фронта для предания военному суду;

б) сформировать в пределах армии 3–5 хорошо вооруженных заградительных отрядов (до 200 человек в каждом), поставить их в непосредственном тылу неустойчивых дивизий и обязать их в случае паники и беспорядочного отхода частей дивизии расстреливать на месте паникеров и трусов и тем помочь честным бойцам дивизий выполнить свой долг перед Родиной...»

Именно после этого приказа новые заградительные отряды получили статус отдельных воинских частей, подчиненных командованию армии через особые отделы НКВД.

Те же заградительные формирования войск НКВД, которые раньше находились за боевыми порядками частей на линии фронта, теперь уже окончательно были перенацелены на охрану войскового тыла (на 10–15 км – 1-я линия и на 20–25—2-я линия).

На 15 октября 1942 г. в частях действующих в Красной Армии было сформировано 193 заградительных отряда.

С начала формирования (с 1 августа по 15 октября) этими отрядами было задержано 140 755 военнослужащих, сбежавших с передовой линии фронта.

Из числа задержанных было арестовано 3980 человек, расстреляно 1189 человек, штрафные батальоны 185 человек, возвращено в свои части и на пересыльные пункты 131 094 человека.

Следует отметить, что заградительные отряды в период ожесточенных боев с противником сыграли свою положительную роль в деле наведения порядка в частях и предупреждения неорганизованного отхода с занимаемых ими рубежей, возвращения значительного числа военнослужащих на передовую. Кроме того, в критические моменты, когда требовалась поддержка для удержания занимаемых рубежей, эти отряды вступали непосредственно в бой с противником, успешно сдерживали его натиск и наносили ему потери. Например, 13 сентября 1942 г. «112-я стр. дивизия под давлением противника отошла с занимаемого рубежа. Заградотряд 62-й армии под руководством начальника отряда (лейтенанта госбезопасности Хлыстова) занял оборону на подступах к важной высоте. В течение 4-х суток бойцы и командиры отряда отражали атаки автоматчиков противника и нанесли им большие потери. Заградотряд удерживал рубеж до подхода воинских частей».

15—16 сентября 1942 г. «заградотряд 62-й армии в течение 2-х суток успешно вел бой с превосходящими силами противника в районе ж.д. вокзала г. Сталинграда. Несмотря на свою малочисленность, заградотряд не только отбивал атаки противника, но и нападал на него, причинив ему значительные потери в живой силе. Свой рубеж отряд оставил только тогда, когда на смену подошли части 10-й стр. дивизии».

И вот еще: «Заградительный отряд 29-й армии Западного фронта, будучи в оперативном подчинении у командира 246 стр. дивизии, использовался как строевая часть.

Принимая участие в одной из атак, отряд из 118 человек личного состава потерял убитыми и ранеными 109 человек, в связи с чем заново сформировался».

По мнению ветеранов-окопников, страшнее начавшейся паники на фронте не могло быть ничего. Всего лишь из-за нескольких трусов, драпающих слева и справа в тыл, могла мгновенно начаться цепная реакция панического отступления. А если в этот момент трусов некому было остановить? Вот тогда-то, прежде всего пальбой в воздух, неуправляемую толпу останавливал заградительный отряд.

Есть такая русская поговорка: «У страха глаза велики!» Так вот и на фронте Великой Отечественной она была весьма актуальной, когда одна трагедия приводила к другой.

Например, только с 12 по 17 июля 1943 г. заградотрядами 69-й армии (7 заградотрядов по 7 человек в каждом, во главе которых были поставлены по 2 оперативных работника) было задержано 6956 человек рядового и командно-начальствующего состава, оставивших поле боя или вышедших из окружения войск противника.

Правда, начиная с 15 июля число задержанных военнослужащих, по сравнению с первыми днями работы заградотрядов резко сократилось. Если за 12 июля было задержано 2842 человека, а 13 июля – 1841 человек, то за 16 июля было задержано 394 человека, а уже за 17 июля – всего 167 человек.

К началу 1944 г. заградотряды очень часто использовались по охране штабов армий, охране линий связи, дорог, прочесыванию лесов. То есть после разгрома немцев под Сталинградом и победой на Курской дуге, когда стратегическая инициатива перешла к Красной Армии, заградотряды перестали выполнять свои прямые задачи. А в конце октября этого года Приказом наркома обороны № 0349 они были расформированы, а личный состав отрядов пополнил ряды стрелковых дивизий.

Для более полного понимания изложенного выше давайте ознакомимся с отрывком из письма командира 141-й стрелковой дивизии полковника Тетушкина секретарю ЦК ВКП(б) тов. Маленкову (от 10 июля 1942 г.). «Какую же картину отхода армий Ю-3. и Брянского фронтов я наблюдал? Ни одной организованно отступающей части я не видел на фронте от Воронежа на юг до г. Коротояк. Это были отдельные группки бойцов всех родов оружия, следовавшие, как правило, без оружия, часто даже без обуви, имея при себе вещевые мешки и котелок. Попутно они (не все, конечно) отбирали продовольствие у наших тыловых армей-

ских учреждений и автомашины. Кто идет с винтовкой, то она обычно ржавая (производства 1942 г.). Картина мне эта знакома по прошлому году.

Получается такое впечатление как только немец захочет прорвать где-либо фронт, ему это в большинстве случаев удастся.

В чем дело? Чем же это можно объяснить?

Если личный состав танкистов, летчиков, артиллеристов у нас не плохой, они дерутся с достаточной стойкостью, то это нельзя сказать про пехоту. Ей стойкости не хватает. Она у нас плохо обучена, беспрекословного повиновения младшего старшему у нас еще нет. Особенно это отражается в звене младший командир – боец, то есть в том звене, где начальник голосом воздействует на подчиненного в бою.

У нас не хватает жесткой дисциплины, чтобы наверняка обеспечить успех в бою, чтоб никто не смел бросить свое место в окопе в любой обстановке. Умри, а держись. Все это должно быть обеспечено соответствующим законом, отраженным в уставах. Все, что мы имеем сейчас (уставы, положения) – этого не достигают. Противник в отношении дисциплины много сильнее нас. Если бойцы на походе или вообще вне боя бросают противогаз, лопатку, шлем, оружие, даже пулеметы, лошадей и так далее (я знал до ранения на Западном фронте ряд дивизий, где все бойцы побросали лопатки, шлемы, лыжи, противогазы), то возникает вопрос: есть ли тут дисциплина? Я наблюдал немецких пленных, которых гнали десятки километров до штабов, и у них все было цело до последнего личного номерка и у всех обязательно вычищены сапоги и лица побриты. Дисциплина, как и везде, особенно необходима в бою, тут она решает дело. Причем, если даже нет командира при бойце, он должен упорно защищаться или двигаться вперед на противника так же, как и с командиром...»

26 октября 1942 г. командующий фронтом генерал-лейтенант Рокоссовский в штабе 66-й армии заявил: «...Прибывшие новые дивизии к бою совершенно не подготовлены. Сегодня буду докладывать тов. Сталину, просить его, чтобы личный состав вновь формируемых дивизий хотя бы месяц проходил боевую подготовку...»

И еще: «Командующий фронтом Рокоссовский, под впечатлением того, что причиной неуспехов являются плохие действия бойцов-пехотинцев, пытался для воздействия на пехоту использовать заградотряды.

Рокоссовский настаивал на том, чтобы заградотряды шли следом за пехотными частями и силой оружия заставляли бойцов подниматься в атаку».

А что можно было предложить еще? Хотя, впрочем, все равно виноватым был бы Сталин!

2. Пехотинцы-окопники (Навстречу смерти)

С чего начать эту главу, с каких слов? Я долго думал над этим не простым для меня вопросом. И чтобы емко, и чтобы до сердца дотянулись, чтобы прожгли его. И чтобы правдиво, совсем близко к истине. Ведь это не просто важно. Это важно принципиально. Потому как «окопная правда» – это прежде всего правда окопников из пехоты. Для них война была самой жуткой, самой реальной во всей своей красе, самой кровавой и самой короткой.

И только когда я прочитал рукопись «Ванька ротный» ветерана войны А.И. Шумилина, я понял, что нашел именно то, что искал. Без этих слов, возможно, у меня ничего бы не получилось. Ведь я там не был! Судите сами:

«В те суровые дни войны вся тяжесть в боях по освобождению земли нашей легла на пехоту, на плечи простых солдат. Получая пополнение в людях, мы вели непрерывные бои, не зная ни сна, ни отдыха.

Захлебываясь кровью и устилая трупами солдат эту прекрасную землю, мы цеплялись за каждый бугор, за каждый куст, за опушки леса, за каждую деревушку, за каждый обгорелый дом и разбитый сарай.

Многие тысячи и тысячи наших солдат навечно остались на тех безымянных рубежах. (...)

Многие о войне судят по кино. Один мой знакомый, например, утверждает, что когда бой идет в лесу, то горят деревья.

– Это почему? – спросил я его.

– А разве ты в кино не видел?

По кино о войне судят только дети. Им непонятна боль солдатской души, им подаются стрельбу, рукопашную с кувырканиями и пылающие огнем деревья, перед съемкой облитые бензином. Художественное произведение, поставленное в кино, или так называемая “хроника событий” – собирательный образ боев, сражений и эпизодов, отдаленно напоминающий войну.

Должен вас разочаровать: от кино до реальной действительности на войне очень далеко. То, что творилось впереди, во время наступления стрелковых рот, до кино не дошло. Пехота унесла с собой в могилу те страшные дни. (...)

Война – это живая, человеческая поступь – навстречу врагу, навстречу смерти, навстречу вечности. Это человеческая кровь на снегу, пока она яркая и пока еще льется. Это брошенные до весны солдатские трупы. Это шаги во весь рост с открытыми глазами – навстречу смерти. Это клочья шершавой солдатской крови и кишок, висящие на сучках и ветках деревьев. Это розовая пена в дыре около ключицы – у солдата оторвана нижняя челюсть и гортань. Это кирзовый сапог, наполненный розовым месивом. Это кровавые брызги в лицо от разорванного снарядом солдата. Это сотни и тысячи других кровавых картин на пути, по которому прошли за нами прифронтовые “фронтовики” и “окопники” батальонных, полковых и дивизионных служб. Но война – это не только кровавое месиво. Это постоянный голод, когда до солдата в роту доходила вместо пищи подсоленная водица, замешанная на горсти муки, в виде бледной баланды. Это холод на морозе и снегу, в каменных подвалах, когда ото льда и изморози застывает живое вещество в позвонках. Это нечеловеческие условия пребывания в живом состоянии на передовой, под градом осколков и пуль. Это беспардонная матерщина, оскорбления и угрозы со стороны штабных “фронтовиков” и “окопников” (батальонного, полкового и дивизионного начальства).

Война – это как раз то, о чем не говорят, потому что не знают. Из стрелковых рот, с передовой, вернулись одиночки, их никто не знает... (...)

Это были нечеловеческие испытания. Кровавые, снежные поля были усеяны телами убитых, куски разбросанного человеческого мяса, алые обрывки шинелей, отчаянные крики и стоны солдат. Все это надо пережить, услышать и самому увидеть, чтобы во всех подробностях представить эти кошмарные картины. (...)

С какой безысходной тоской о жизни, с каким человеческим страданием и умоляющим взором о помощи умирали эти люди. Они погибали не по неряшливости и не в тишине глубокого тыла... (...)

Они – фронтовики и окопники стрелковых рот, перед смертью жестоко мерзли, леднели и застывали в снежных полях на ветру. Они шли на смерть с открытыми глазами, зная об этом, ожидая смерть каждую секунду, каждое мгновение, и эти маленькие отрезки времени тянулись, как долгие часы (...)

Без “Ваньки ротного” солдаты вперед не пойдут. Я был “Ванькой ротным” и шел вместе с ними. Смерть не щадила никого. Одни умирали мгновенно, другие – в муках истекали кровью. Только некоторым из сотен и тысяч бойцов случай оставил жизнь. В живых остались редкие одиночки, я имею в виду окопников из пехоты. Судьба им даровала жизнь как высшую награду. (...)

Многие фамилии из памяти исчезли. Я иногда даже не знал фамилии своих солдат, потому что роты в бою хватало на неделю. (...)

Вот и теперь у меня перед глазами ярко встали те кошмарные дни войны, когда наши передовые роты вели ожесточенные бои. Все нахлынуло вдруг. Замелькали солдатские лица, отступающие и бегущие немцы, освобожденные деревни, заснеженные поля и дороги. Я как бы снова почувствовал запах снега, угрюмого леса и горелых изб. Я снова услышал грохот и нарастающий гул немецкой артиллерии, негромкий говор своих солдат и недалекий лепет засевших немцев.

Вероятно, многие из вас думают, что война, это интересное представление, романтика, героизм и боевые эпизоды. Но это не так. Никто тогда – ни молодые, ни старые не хотели умирать. Человек рождается, чтобы жить. И никто из павших в бою не думал так быстро погибнуть. Каждый надеялся только на лучшее. Но жизнь пехотинца в бою висит на тоненькой ниточке, которую легко может оборвать немецкая пуля или небольшой осколочек. Солдат не успевает совершить ничего героического, а смерть настигает его».

Есть у Семена Гудзенко (малоизвестного для теперешней молодежи поэта-фронтовика) замечательное стихотворение «Перед атакой». Когда я читаю его, то всегда ясно представляю себе то, о чем с болью и содроганием говорит поэт из окопа Великой Отечественной войны:

Когда на смерть идут-поют,
А перед этим можно плакать.
Ведь самый страшный час в бою —
час ожидания атаки.
Снег минами изрыт вокруг
и почернел от пыли минной.
Разрыв —
и умирает друг.
И значит – смерть проходит мимо.
Сейчас настанет мой черед,
За мной одним идет охота.
Будь проклят сорок первый год —
ты, вмерзшая в снега пехота.
Мне кажется, что я магнит,

что я притягиваю мины.
Разрыв – и лейтенант хрипит.
И смерть опять проходит мимо.
Но мы уже не в силах ждать.
И нас ведет через траншеи
Окоченевшая вражда,
Штыком дырявящая шеи.
Бой был короткий. А потом
глушили водку ледяную,
и выковыривал ножом
из-под ногтей я кровь чужую.

1942

Однажды в одном интервью генерала армии В.А. Варенникова спросили:

– Путь к победе был долгим и тяжелым. Какие из эпизодов войны вы вспоминаете?

– Таких эпизодов было очень много, – ответил генерал. – Все-таки от Сталинграда до Берлина с боями ножками пройти, а где и проползти... Я всегда завидовал летчикам, танкистам. Белой завистью, конечно. Истребитель в полете 40 минут, максимум час. Затем он возвращается на аэродром, где его машину обслуживает техник. У летчика есть землянка, есть банька. Он прилетел, поел, отдохнул. А мы всегда с противником в контакте, друг другу смотрим в лицо. Есть еда – хорошо, нет – терпеть надо. Стужа, холод, жара, зной – надо выдержать!

И когда меня спрашивают, где было самое-самое, я отвечаю: у солдата, лейтенанта, капитана вся война – Сталинград. Везде было тяжело.

«Окопная правда» начиналась с отправки на фронт. Вот как она выглядела со слов очевидца: «Смотреть на солдат было грустно и весело. Здесь действовал какой-то пестрый закон живой толпы. Одни шли легко, шустро и даже весело, другие, наоборот, понуро, устало и нехотя. Одни торопились, вырывались из строя куда-то вперед, другие, наоборот, едва по земле волочили ноги. Тут одна мощеная булыжником дорога – в сторону не свернешь. День был жаркий и душный. Некоторым из солдат скатки шинелей с непривычки терли и жгли шеи, и они без конца их перекладывали на плечо и вертели головами. Из-под касок по вискам и щекам сбегали струйки пота. Гимнастерки на спине быстро намокли от пота и потемнели. Одни из солдат шли под тяжестью ноши молча, ни о чем не думая. Другие, наоборот, шли, переговаривались, шутили, радуясь, что покончили со старой жизнью. У третьих на потном лице выражалась тоска, и они мысленно хоронили себя, прощаясь с родными и жизнью. Разные, видать, были в походной колонне, одетые в солдатскую форму, люди. Тут были прямые и сильные, сгорбленные, как на похоронах. Живой поток солдат показывался над дорогой. Он то расплывался на всю ширину до обочины, то, сгрудившись около выбитой ямы, топтался на месте.

Было жарко, безоблачно и безветренно. Дорожная пыль першила в душе и лезла в глаза. Пахло яловой дубленой кожей, новой кирзой, сбруей, дегтем телят и лошадиным пометом. В движении, в жаре и в пыли шагали солдаты и с непривычки потели. У одного каска откинута на затылок, у другого – на носу. Из-под касок смотрели покрасневшие потные лица. Колонна двигалась то замедляя, то ускоряя свой шаг» (Шумилин).

О другом пути на фронт свидетельствует генерал армии А.Т. Алтунин: «Рев авиационных моторов привлек внимание всех обитателей теплушки. Минометчики, среди которых и я, лейтенант, несколько дней назад принявший командование минометной ротой стрелкового батальона 720-го полка 162-й дивизии, сгрудились возле дверного проема. В открытую дверь теплушки видно, как одна за другой с нарастающим воем мчатся навстречу эшелону

машины со свастикой на крыльях. Сквозь этот вой слышится прерывистое татаканье – то ведут огонь бойцы, дежурившие у станковых пулеметов, приспособленных для стрельбы по зенитным целям.

“Молодцы! – с восхищением думал я. – Ведь ни один из них не был еще под вражеским огнем, а не дрогнули!”

Поезд то ускоряет бег, то почти останавливается – маневрирует машинист, уже не раз попадавший под бомбежку. Справа и слева от железнодорожного полотна взрываются бомбы. Осколки насквозь пронизывают тонкие стены теплушки. Вдруг один из бойцов, стоящих у двери, молча валится на пол: осколок снес ему верхнюю часть черепа вместе с пилоткой. Я на мгновение растерялся, потом, осознав опасность, во весь голос кричу:

– Всем лечь на пол! – и первым выполняю команду. Теперь осколки проносятся над головой. У противоположной двери кто-то громко стонет. Бросаюсь туда и вижу красноармейца, зажимающего ладонью правое плечо. Сквозь пальцы сочится кровь. Зову санитаров, и вдвоем мы быстро перевязываем раненого.

Поезд набирает скорость. А мы, затаив дыхание, ожидаем, что с минуты на минуту очередная бомба разрушит железнодорожное полотно и наш эшелон рухнет под откос. Но фашистские летчики, израсходовав боезапас, сделали круг над эшеленом и скрылись. Так меня и моих товарищей впервые опалило горячее дыхание войны. Сколько потом было пережито страшных минут, но эта первая бомбежка навсегда осталась в памяти.

Бомбардировщики улетели, а в вагоне еще долго стояла тишина. Под ритмичный перестук колес все молча переживали случившееся. Видимо, у каждого, как и у меня, бродила мысль: “Вот и в бою не были, и фашиста живого не видели, а товарищей уже потеряли”.

Вздыхнув, я достал из планшетки список личного состава и, помедлив, вычеркнул две фамилии».

Александр Захарович Лебединцев на фронт ехал с группой товарищей прямо из пехотного училища. Эту дорогу он запомнил до мельчайших подробностей: «Станционные пути были забиты воинскими эшелонами, и мы медленно продвигались на север. Задержались некоторое время на станции Кропоткинской. Оказалось, что поезда с юга на Ростов не пропускают и нас завернули на Сталинградскую ветку через Сальск. Погода была пасмурной. Большую часть времени мы отсыпались, некоторые играли в карты и даже «принимали» самогон. На подходе к Сталинграду мы впервые услышали заводские гудки воздушной тревоги и хлопки наших зениток, стреляющих по вражеским бомбардировщикам. Проводницы металась по вагонам, почему-то строго предупреждая: “Открывайте окна и двери”. Вскоре дали отбой. И мы прибыли на главный вокзал. Многие были впервые в этом городе. Мы покинули вагоны, и нас покормили горячим обедом в столовой продпункта. Так узнали мы и о продпунктах, о которых ни слова не говорили в училище. Ростов-на-Дону был оккупирован немцами 21-го, а освобожден 29-го ноября 1941 г., поэтому нас и повезли объездным путем. (...)

А.З. Лебединцев

На следующее утро мы были в Миллерово, но нас завернули снова на юг в город Каменск, где находился отдел кадров Южного фронта. Полк или батальон резерва командного состава размещался в здании сельскохозяйственного техникума на окраине города. Остаток ночи мы провели на сетках студенческих кроватей.

Утром объявили получать на каждую группу предназначенный в армии сухой паек на путь следования. Наша группа предназначалась в 9-ю армию, освобождавшую Ростов. Ее отдел кадров размещался в Новочеркасске, куда нам предстояло выехать. Я снова назначался

«продовольственником» и пошел за сухим пайком, а к подъезду двухэтажного дома общежития было подогнано с десяток машин-полуприцепов для доставки лейтенантов в отделы кадров армий.

Утро было пасмурным. Продовольственный склад размещался рядом. Подходя к нему, я услышал гул летящего бомбардировщика. Тогда я еще не мог различать по звуку работы мотора своих и чужих. Но тут ударила батарея наших 37-мм пушек и, как всегда, в «белый свет», так как была низкая облачность. Получил я сухари, рыбные консервы и копченую колбасу на нашу команду из восьми человек. Я оставил маленький довесок колбасы, чтобы съесть по пути. Только я стал подниматься по лестнице на второй этаж, как звук мотора повторился и завизжали падающие бомбы. Первая из них упала на могилы кладбища в 150 метрах, вторая – в центре скопления машин у порога нашего двухэтажного здания, а третья ударила в угол соседнего помещения. С испуга я с остервенением грыз довесок колбасы, а затем бросился бежать вниз, так как меня всего осыпало осколками стекла из окон. У подъезда лежали убитые и раненые лейтенанты. Раненые просили о помощи. По их повседневным петлицам я понял, что это были выпускники Ташкентского пехотного училища. Все бросились бежать в поле, и я последовал за ними к скирде соломы, где и упал в изнеможении. Я впервые увидел убитых от бомбежки и их кровь».

* * *

Основная тяжесть войны, бесспорно, легла на плечи пехоты. Об этом достаточно полно говорят страшные цифры ее потерь. Если общие потери родов войск в 16 млн 859 тыс. чел. (в том числе 4 млн 28 тыс. безвозвратные и 12 млн 831 тыс. санитарные) взять за 100 %, то на ее долю приходится 86,6 %. Более того, в стрелковых войсках только за 28 месяцев войны из строя выбыло – 546, 3 %. Для сравнения в бронетанковых войсках это число за тот же период составило более чем в два раза меньше – 236, 7 %.

* * *

Когда начиналась окопная жизнь? С марша после скорой выгрузки из эшелона? С момента занятия исходной позиции или с подготовки этой позиции к обороне?

Если быть точным, то она всегда начиналась неожиданно, что называется, без всяких сантиментов, словно рубилась с плеча, как самая что ни на есть правда.

Шли ли пехотинцы на передовую, находились ли на ней: все одно это уже была их жизнь – окопная. Та земля, которая всегда была под ногами: была и домом, и постелью. Зимой и летом все одно: по ней ходили, на ней воевали и в нее же ложились.

На земле всегда был отдушиной солдатский смех, царским подарком – табак, лучшим другом – лес и великим счастьем – еда. Ведь ничто так не беспокоило солдатскую душу на передке, как харчи.

Лес давал возможность соорудить блиндаж, растопить костер, настелить дорожку да и, бывало, кормил сносно. А если его не было рядом? Одна надежда только на старшину роты.

Это он тащил с помощниками термос с похлебкой, буханки хлеба, сахар, махорку и водку.

Поставив термос между ног, с цирковой ловкостью он опускал туда черпак и таким же привычным движением плескал содержимое в подставленный котелок. При этом тут же отмечал химическим карандашом галочку на листике замусоленной бумаги.

Но одно дело летом, другое – зимой. Пока пищу дотащат до передовой, хоть в руках, хоть в повозке, все одно: горячее мгновенно превращалась в холодное пойло. Хорошо, если мучная, слегка подсоленная водица не успела схватиться на сильном морозе. Зато хлеб

замерзал всегда. Его даже не брала саперная лопата. Да, в сущности, и это была еще не беда. Ведь если солдат с термосом накрывали немецкие снаряды, если по несколько суток старшина не мог добраться до передка, тогда все: и настроения не было, и вши заедали особенно. Ведь они ползали на голодных!

Другое дело батальонная кухня, когда попыхивая горящими топками, уже издалека издавая соблазнительный запах, она въезжала в лес. Фыркание лошадей и позвякивание уздечек поднимали спящих солдат без каких-либо команд. Одним словом: война – войной, а обед по распорядку! Но батальонная кухня на передке могла быть мечтой нереальной. Ведь назад с передка только уносили.

* * *

12 сентября 1941 г. Постановлением ГКО № 662 были установлены нормы продовольственного снабжения Красной Армии. Например, первая категория красноармейского продпайка предназначалась для красноармейцев и начсостава боевых частей действующей армии. Она предусматривала следующую норму суточного довольствия: хлеб (октябрь – март) – 900 г, (апрель – сентябрь) – 800 г; мука пшеничная 2-й сорт – 20 г; крупа разная – 140 г; макароны – 30 г; мясо – 150 г; рыба – 100 г; комбижир и сало – 30 г; масло растительное – 20 г; сахар – 35 г; чай – 1 г; соль – 30 г; овощи: картофель – 500 г; капуста – 170 г; морковь – 45 г; свекла – 40 г; лук репчатый – 30 г; зелень – 35 г; махорка – 20 г; спички – 3 коробки в месяц; мыло – 200 г в месяц.

По этой норме должны были питаться бойцы и младшие командиры воинских частей первых линий действующей армии. Кроме того, в период декабря и февраля им дополнительно должны были выдавать сало свиное по 25 г в сутки на человека. Однако в первые годы войны пехотинцы чаще всего голодали. Реальным же счастьем было захватить трофейную кухню, где мог оказаться и вишневый компот. Поэтому, когда Красная Армия перешла государственную границу, кормить стали значительно лучше. Выручали трофейные запасы продуктов. А уж после Победы, за границей наши солдаты и офицеры питались, что называется, от пуза.

К слову, третья категория красноармейского пайка предназначалась для красноармейцев строевых и запасных частей, не входящих в состав действующей армии. От первой она отличалась граммами значительно: хлеб – (зима) 750 г, (лето) – 650 г; мука пшеничная 2-й сорт – 20 г; крупа разная – 100 г; макароны – 20 г; мясо – 75 г; рыба – 120 г; комбижир и сало – 20 г; масло растительное – 20 г; сахар – 25 г; чай – 1 г; соль – 30 г; овощи – 920 г; махорка – 20 г; спички 3 коробки в месяц; мыло – 150 г в месяц.

* * *

«Передок»! Как много в этом слове! Путь к нему предвещает гул артиллерийской канонады. А там впереди от залпов орудий лихорадочно дрожит земля. Сначала выстрелы, потом удары. Воздух наполняется специфическим удушливым запахом взрывчатки. Облака пыли и пороховой гари поднимаются над передком. Вниз только падают куски земли, а над головами свистят осколки. Солдатские тела инстинктивно сжимаются от каждого удара. А их целая лавина. Тогда солдатское тело начинает судорожно дергаться в конвульсиях, а их разумы теряют способность улавливать промежутки между разрывами. Страшный гул, летящие комья земли и свистящие осколки превращают передок в кромешный ад, после которого остается порой одно месиво.

Психологически не все выдерживали такой артиллерийской обработки противником переднего края. Если одни могли терпеливо лежать, то другие от страха плакали или теряли зрение, слух и память. Если немцы обстреливали не один день, то роты таяли на глазах.

Окопная жизнь! В основном она проходила ночью: «Отправляли больных и раненых, принимали пополнение – обычно одного, двух; получали боеприпасы, термос с пищей, водку, почту. (...)

Казалось, мы в преисподней. Ночью сырость пронизывает все тело, добираясь до костей. Под утро зубы стучат от холода. Постоянная влажность и вонь, под ногами – слизкая грязь, от нее никуда не спрячешься, она раздражающе чавкала под ногами, – какая-то беспросветность, порой я впадал в отчаяние, но старался не поддаваться – за мной взвод. (...)

В окопах обустроивали землянки, старались наладить печки из старых железных бочек и молочных бидонов. Ухитрились сотворить низкие нары, покрыли их лапником. Для укрытия от осколков рыли норы: ячейки с полками для гранат и патронов, к ним прорубили ступени, чтобы, если что, быстрее выбраться наверх. (...) Так шли дни», – вспоминает Б. Горбачевский.

Были ли окопы промерзшими или сырыми и липкими, не важно; все одно: на пехотинце надето много чего. Все с ним постоянно, начиная с поясного ремня с патронташем набитом патронами, каски, противогаза, винтовки и кончая вещевым мешком, где лишь предметы первой необходимости: фляжка, котелок, ложка, кружка, сухари и тряпки. К тому же он небрит, заросший щетиной, грязный и мокрый, вымазан глиной и землей. А еще вши. Все это солдат и носил на себе, покуда носили ноги. Ведь подлет и удар пули происходит без единого звука. Ее слышно, когда она уже прошла мимо. Не услышал свиста, значит, кого-то уже и нет на этом свете. Таков закон передка. А когда проявлялись первые проблески весны, солдат радовался яркому солнышку. Да только распутица становилась врагом похлеще немца. Нога в сапоге не поднималась из-за пудовой тяжести раскисшей грязи вперемешку с глиной. Другое дело ботинки с обмотками. Те были гораздо удобней на длинных маршах пехоты.

Правда, Б. Горбачевский имел на этот счет свое мнение: «Особенно скверно было тем, кто в обмотках, – просто беда! Но вот появились сапоги! Обмотки долой! Правда, сапоги попадали к нам не из интендантства! На обуви виднелись старые сгустки крови – ничего, вода все смое! Некоторым доставались только голенища – и то дело! Они защищали обмотки от воды и грязи. Я недоумевал: что ж это за башмачное ведомство, которое нас так выручает? Оказалось, по ночам двое солдат выползали из окопов, ползком добирались до леса и там стаскивали сапоги с убитых немцев. (...)

Сапоги выручали, спасали от воды, скапливавшейся на дне окопов, и все-таки многие кашляли, хлюпали носами, температурили, но не обращали внимания на все эти жизненные фокусы».

А что делает перед боем пехотинец? «Проходя по расположению батальонов, – вспоминал генерал А.В. Горбатов, – я видел, что все лежат, обняв свое оружие, но никто не спит; кое-кто тихонько перешептывался с соседом. Как знакомы мне эти солдатские думы перед наступлением! Одни думают о близких, о родных, другие – о том, будут ли живы завтра, третьи ругают себя за то, что не успели или забыли написать нужное письмо. Вспомнилось, что и сам вот так не мог заснуть перед наступлением, когда был солдатом, хотя смерти или ранения я не ожидал никогда».

На этот счет есть и другое свидетельство пехотинца Б.С. Горбачевского: «О чем думается бойцу в последний час, минуты перед атакой? Внутренне солдат готов стоять накрепко, исполняя долг, но он точно знает, и никто его в этом не переубедит, что после боя, тем более атаки, не все вернутся живыми. И все же его никогда не покидает надежда: глядишь, рассуждают фронтовики, не отвернется судьба, подсобит; ну ладно, пусть ранят... С мыслью о ранении возникают новые тревоги: вынесут ли, успеют ли, пока не истечешь кровью?...

Почему такие сомнения? На роту полагается один санинструктор и один санитар, а раненых сотни, бывает, и больше. Есть еще полковая санитарная рота. И все равно санитаров всегда не хватает, особенно тяжелораненые, вынуждены долго ждать помощи и, потеряв много крови, умирают, так и не дождавшись ее или по дороге в медсанбат. Нередко умирают и от болевого шока.

Выносить раненых с поля боя имеют право только санитары или санинструкторы. Другим бойцам сопровождать раненых в тыл запрещено, всякая такая попытка обычно расценивается как прямое уклонение от боя. Однако не всегда выходит так, как требует устав, в боевых условиях приходится строго разбираться между необходимой помощью и дезертирством с поля боя. (...)

Со временем я понял, что каким бы ни был бой по счету, первым или десятым, всякий раз пережить его очень тяжело – физически и психологически. Достигается это с превеликим трудом, беспредельным напряжением сил и нервов. Самый волевой солдат старается не думать о смерти. Совершенных храбрецов я не видел».

Далее Б.С. Горбачевский описывает свою первую атаку: «Воздух взрывают первые залпы артиллерии! Значит – 6.00! Артподготовка! Высоко над нами со свистом и шумом проносятся огненные стрелы реактивных залпов “катюш”. Рев и грохот нарастают – это принялись за дело наши бомбардировщики и штурмовики, обрабатывают траншеи противника. Великолепно! Все точно так, как должно быть! Все по плану! Над деревьями, которые мы вот-вот пойдем брать, вздымаются огромные столбы черного дыма и багрового пламени – какая приятная картина! Из леса выдвигаются наши танки с солдатами на броне, бегло оцениваю – не меньше тридцати! Двумя колоннами обходят линию окопов и стремительно движутся вперед. (...)

В голову пробивается голос командира:

– За мной! Вперед! В атаку!

Ох! Как трудно оторваться от земли. Кажется, ты распластан, врос в землю, не сдвинуться – ни рук, ни ног, их просто нет... У меня не хватает обеих рук?... “Окоп – твоя последняя надежная крепость”. Последние секунды... Забудь обо всем, солдат: приказ прозвучал. (...)... стиснув зубы, уже ни о чем не думая, враз отключив сознание, приподнимаюсь в своей норе, неумолимая сила исполнения долга вмиг выталкивает меня из окопа, швыряет вперед, и я уже бегу! Вместе со всеми, наклонив голову, прикрытую каской, как нас учили – низко пригибаясь, выставив вперед винтовку с привинченным штыком; я очень спешу, стараясь не отстать от бегущих рядом, и, как все, ошалело ору, хотя чувствую холодную испарину на лбу под каской, но напрягаю легкие и кричу: “Ура-а!...” – и этот объединяющий крик придает какие-то новые, неведомые силы, приглушает, подавляет страх».

А вот и кульминация боя:

«Грохот боя заглушают отчаянные крики раненых; санитары, рискуя собой, мечутся между стеной шквального огня и жуткими этими криками, – пытаюсь спасти, стаскивают искалеченных, окровавленных в ближайšie воронки. В гуле и свисте снарядов мы перестаем узнавать друг друга. Побледневшие лица, сжатые губы. У многих лица дрожат от страха. Кого-то рвет. Кто-то плачет на ходу, и слезы, перемешанные с потом и грязью, текут по лицу, ослепляя глаза. Кто-то от шока в мокрых штанах, с кем-то – того хуже. Вокруг дикий мат. Кто-то пытается перекреститься на бегу, с мольбой взглядывая на небо. Кто-то зовет какую-то Маруську. (...)

Со всех сторон раздавались отчаянные крики, от которых можно сойти с ума. Я приподнялся и побежал догонять своих. Над полем стоял непрерывный вопль:

– Мандавошки!

– Где моя нога!

– Санитар! Санитар!

– Летчики, спасите нас!

– Что вы с нами сделали?! Гоните, как скотину, на пулеметы!

Опять этот хриплый голос.

– Марусенька, где ты?

Атаки следовали одна за другой. Сражение разгоралось, росли горы трупов. Мы приближались к вражеским траншеям.

Это самая трудная минута боя. Ночью минеры проделали проходы в минных полях, сейчас по ним устремлялись остатки наступающих, я видел, как первые уже достигли траншей, ворвались в них, шла сумасшедшая рукопашная штыковая схватка. Но я успеваю добежать. Последнее, услышанное мной, – чей-то безумный крик. С этим криком я ощутил, болезненно и остро, как что-то холодное, скользкое, тупое ударило меня в затылок, оглушило, вмиг пригнуло к груди голову; от сильного толчка меня резко качнуло, бросило вперед, и я рухнул лицом на землю».

О другом эпизоде войны еще более натурально написал А.И. Шумилин: «Немцы не торопились. Они все делали по науке. Приводили к бою зенитные батареи. Они хотели сразу и наверняка ударить по лежащей в снегу нашей пехоте. Тем более что мы лежали, не шевелились. Сигнала на атаку не было. Приказа на отход не последовало. Немцы, видно, удивлялись нашим упорству и бестолковости. Лежат, как идиоты, и ждут, пока их расстреляют в упор. Наконец у них лопнуло терпение. Зенитка – это не полевое орудие, которое после каждого выстрела нужно снова заряжать. Зенитка автоматически выбрасывает целую кассету снарядов. Она может стрелять одиночными, парными и короткими очередями.

Из ствола от одного нажатия педали вылетают сразу один раскаленный трассирующий, другой – фугасный снаряды. По каждому живому солдату, попавшему в оптический прицел, немцы стали пускать сразу по два, для верности. Один трассирующий, раскаленный, а другой – невидимый, фугасный. Они стали бить сначала по бегущим. Бегущий делал два-три шага, и его зарядом разрывало на куски. Сначала побежали телефонисты под видом починки обрыва на проводе. Потом не выдержали паникеры и слабые духом стрелки. Над снегом от них полетели кровавые клочья и обрывки шинелей, куски алого мяса, оторванные кисти рук, оголенные челюсти и сгустки кишок. Тех, кто не выдержал, кто срывался с места, снаряд догонял на шагу. Человека ловили в оптический прицел, и он тут же, через секунду исчезал с лица земли. (...) Ординарец отполз несколько в сторону, он хотел посмотреть, что делается на краю кустов. Но любопытство сгубило его. Вот он вдруг встревожился, перевернулся на месте и в два прыжка оказался около меня. И не успел он коснуться земли, как его двумя снарядами ударило в спину. Его разорвало пополам. В лицо мне брызнуло его кишками.

Зачем он поднялся и бросился ко мне?

– Товарищ лейтенант! Там... – успел он выкрикнуть перед смертью. Красным веером окрасился около меня снег. Жизнь его оборвалась мгновенно. Появились раненые солдаты. Они ползли, оставляя за собой кровавый след на снегу.

В оптический прицел они были хорошо видны. Очередной двойной выстрел добивал их в пути. Лежавший рядом телефонист вытаращил на меня глаза. Я велел ему лежать, а он меня не послушал. Я лежал под деревом и смотрел по сторонам, что творилось кругом. Я лежал и не двигался. Телефонист был убит при попытке подняться на ноги. Снаряд ударил ему в голову и разломил череп надвое, подкинул кверху его железную каску, и обезглавленное тело глухо ударилось в снег. Откуда-то сверху прилетел рукав с голой кистью. Варежка, как у детей, болталась на шнурке. Пальцы шевельнулись. Оторванная рука была еще живая. Все, кто пытался бежать или в панике рвануться с места, попадали в оптический прицел. Я смотрел на зенитки, на падающих в агонии солдат, на пулеметчиков, которые со своими «максимами» уткнулись в снег. (...)

И вот новый удар разбил ствол и щит станкового пулемета, обмотанного марлей и куском простыни.

Приникшие к снегу тела пулеметчиков приподнялись и откинулись мертвыми в сторону».

В результате такого побоища полегли четыре сотни советских солдат.

* * *

Осенью 1941 г., в дни горьких отступлений, когда Красной Армии приходилось оставлять одну позицию за другой, некоторые военачальники начали вдруг задумываться: почему бойцы, увидев танки и пехоту противника, порой без приказа оставляют линию обороны своих подразделений и частей?

«Наши уставы, существовавшие до войны, учили строить оборону по так называемой ячеечной системе, – писал К.К. Рокоссовский. – Утверждалось, что пехота в ячейках будет нести меньше потерь от вражеского огня. Возможно, по теории это так и получалось, а главное, рубеж выглядел очень красиво, все восторгалось. Но, увы! Война показала другое...

Итак, добравшись до одной из ячеек, я сменил сидевшего там солдата и остался один.

Сознание, что где-то справа и слева тоже сидят красноармейцы, у меня сохранилось, но я их не видел и не слышал.

Командир отделения не видел меня, как и всех своих подчиненных. А бой продолжался.

Рвались снаряды и мины, свистели пули и осколки. Иногда сбрасывали бомбы самолеты.

Я, старый солдат, участвовавший во многих боях, и то, сознаюсь откровенно, чувствовал себя в этом гнезде очень плохо. Меня все время не покидало желание выбежать и заглянуть, сидят ли мои товарищи в своих гнездах или уже покинули их, а я остался один. (...)

Система ячейки обороны оказалась для войны непригодной. Мы обсудили в своем коллективе и мои наблюдения, и соображения офицеров, которым было поручено приглядеться к пехоте на передовой. Все пришли к выводу, что надо немедленно ликвидировать систему ячеек и переходить на траншеи. В тот же день всем частям группы были даны соответствующие указания».

Генерал А.В. Горбатов примерно в это же время также обратил свое пристальное внимание опытного командира на эту проблему: «Известно, что в войну мы вступили с укоренившимися взглядами на прогрессивность групповой тактики, с распылениями взвода почти по всему обороняемому району. Однако красноармейцы теряли при этом чувство локтя, не видели не только командира взвода, но порой и командира отделения, не слышали команд, то есть были неуправляемы. С тех пор, как я начал сознательно относиться к тактическим вопросам, я был всегда ярым противником такого расположения в обороне и считал его устаревшей системой. Такая разобщенность на поле боя в известной мере оправдывала тех, кто покидал оборону, ничего не зная о своих, воображая, что “уже все отошли, я ушел последним” (...)

Поэтому от подчиненных нам командиров мы потребовали – не распылять взвод, располагать его на одном из бугров – в общей траншее, не более ста двадцати метров по фронту, чтобы командир видел своих подчиненных, а они – своего командира, чтобы он мог контролировать их поведение и заставлять их стрелять в наступающего противника, а не отходить...

Находясь в обороне, мы произвели анализ потерь за время отступления. Большая часть падала на пропавших без вести, меньшая часть – на раненых и убитых (главным образом командиров, коммунистов и комсомольцев)».

Неудивительно, что прежде чем бить врага, потребовался коренной перелом в сознании и мышлении командиров и военачальников, а также кардинальная ломка устоявшихся стереотипов. Организация и ведение боя в пехоте ежедневно убеждали их отказаться от устаревших методов.

А теперь немного о каске (от исп. Casco – череп, шлем). К слову, этот защитный головной убор из металла появился во Франции в 1758 г. у драгун. В Первую мировую многие страны мира использовали стальную каску для защиты от пуль и снарядов. В Красной Армии стальная каска после 1939 г. стала называться шлемом.

Александр Ильич Шумилин на войне ходил без каски и даже под пулями об ее отсутствии никогда не жалел. «Каска звенела на голове, цеплялась и за сучки, мешала думать и сосредоточиться», – писал он спустя годы.

Другое мнение на этот счет имел его политрук: «Он никогда не снимал свою каску. На солнце она нагревалась, и ему, естественно, в ней было не по себе. Он даже ночью, когда ложился спать, оставлял ее на голове! Он был уверен, что она защитит его от шального осколка и пули. Некоторые солдаты тоже носили каски, некоторые ходили без них.

Политрук говорил:

– Дуракам закон не писан, пусть подставляют головы под пули».

Одинакового мнения с Шумилиным придерживался и писатель Василь Быков: «А вот каска мне не понадобилась. Однажды надел ее на шапку. Но она плохо держалась и сползала. Увидев это, мой помкомвзвода, опытный сержант, сказал: “Без пользы она! Брось ее, младшой, к чертовой матери!”»

Перед этим убило моего самого молодого солдата, когда он лежал в цепи. Пуля попала именно в каску и сделала в ней дырку. Ненадежная защита! Я убедился в этом, когда мы заняли село. Там по вербам валялось несколько убитых немцев. Мой сержант выстрелил каждому в голову, и все каски у них оказались пробитыми. После этого я бросил свою в снег. И не пожалел об этом ни разу. Из солдат моих тоже мало кто носил каску – разве что самые осторожные. Но я никогда не слышал, чтобы она кого-нибудь спасла. Особенно в наступлении».

Петр Григорьевич Григоренко, будучи начальником штаба 8-й стрелковой дивизии, на фронте не просто столкнулся с этой проблемой, но попытался как-то решить ее.

«К каскам во всей Советской Армии отношение было пренебрежительное. И наша 8-я дивизия не составляла исключения. Объезжая и обходя части, в том числе на переднем крае, я не встречал ни одного человека, кто носил бы каску. А я помнил разговор с киевским хирургом – профессором Костенко. Обработывая мою кость, он бил молотком по зубилу, как в свое время делал я сам, снимая заусеницы с шейки паровозного ската. При этом он все время говорил, как будто я здесь присутствовал лишь в качестве его собеседника. И особенно его волновала каска. “Почти восемьдесят процентов, – говорил он, – убитых и умерших от ран имеют поражения в голову. И все это люди, не имеющие каски. Те, кто имел поражения в голову через каски, отделялись царапинами и контузиями, иногда тяжелыми. Но смерть при поражении головы через каску – исключение. Очень, очень редкое исключение. Выходит, мы погибнем из-за отсутствия дисциплины. В сущности, мы самоубийцы, самоубийцы по расхлябанности”.

И я решил тогда еще: как только попаду на фронт, в подчиненных мне войсках наведу порядок в отношении касок. Вот об этом я и заговорил с Леусенко. Рассказал все, что узнал от Костенко, и добавил:

– Да и на немцев посмотри. Ты видел на передовой хоть одну немецкую голову без каски? Я обползал весь передний край – не видел ни одной.

– Ну, у немцев дисциплина. А у нас даже бравировать открытой головой. Вот я с вами говорю и поддерживаю идею, но по своей инициативе в полку каски не введу. Сразу же на всю армию прославлюсь как трус. А будет приказ, сумею заставить носить.

– А каски есть?

– Да, безусловно. Хозяйственники что из брошенного собрали, а что получили на пополнение утрат и теперь берегут. Для них же это имущество.

– А нам надо, чтобы это не было имущество, а стало боевым, обеспечивающим жизнь солдата средством.

– Это теория, а я буду спрашивать как за имущество, боевое имущество, ибо иначе каску снова бросят.

Мы тогда оба не знали, что у немцев спрос за каски был более строгий. Там за появление на передовой без каски на голове судили как за членовредительство. Если б я знал это, то действовал бы более уверенно. Но узнал я сие только после войны. Тогда же, после разговора с Леусенко, я подготовил приказ, по которому весь рядовой состав и офицеры дивизии, кроме штаба и тыла, обязаны постоянно носить каски и положенное оружие.

Офицеры, кроме личного оружия, должны иметь автоматы. Личный состав штаба и тыла дивизии при въезде в части и по тревоге надевают каски; офицеры, кроме личного оружия, берут автомат. Но легко было отдать приказ. Смирнов не спросил и сразу подписал. Но насколько же тяжелее было внедрить все это. Я ежедневно по несколько часов проводил на передовой в каске и с автоматом на груди.

Беседовал с солдатами и офицерами о значении касок. Приводил известные мне примеры, строго взыскивая за нарушения. И Леусенко оказался прав. В тылах заговорили о начальнике штаба 8-й дивизии как о человеке необстрелянном, трусоватом, как о чудовище, который, натягивая каску и навешивая на себя автомат, хочет выглядеть старым закаленным воякой».

Однако, резюмируя самые разные мнения, мы можем обратиться к статистике, которая говорит, что «анализ более 14 млн историй болезни раненых военнослужащих показал следующее распределение ранений по области человеческого тела»:

- нижние и верхние конечности – 70,8 % (соответственно 35,6 % и 35,2 %);
- череп – 5,4 %;
- глаза – 1,5 %;
- лицо – 3,5 %;
- шея – 1,1 %».

Следовательно, вывод говорит сам за себя.

* * *

Разное мнение существует о наркомовских ста граммах, однако как бы воевали без них окопники!

В Постановление ГКО № 562 от 22 августа 1941 г. было указано: «Установить, начиная с 1 сентября 1941 г. выдачу водки 40 градусов в количестве 100 г в день на человека (красноармейца) и начальствующему составу войск передовой линии действующей армии».

А 25 августа 1941 г. в Приказе НКО СССР № 0320 это указание было доведено для действующей армии.

Характерно, что уже в июне (Постановление ГКО № 1889) от 6 июня 1942 г. Сталин внес в этот процесс некоторые изменения:

«1. Прекратить с 15 мая 1942 г. массовую ежедневную выдачу водки личному составу войск действующей армии.

2. Сохранить ежедневную выдачу водки в размере 100 г только тем частям передовой линии, которые ведут наступательные операции.

3. Всем остальным военнослужащим передовой линии выдачу водки по 100 г производить в революционные и общенародные праздники».

Ровно через пять дней в Приказе НКО № 0470 от 12 июня 1942 г. разъяснялось:

«1. Выдачу водки по 100 граммов в сутки на человека производить военнослужащим только тех частей передовой линии, которые ведут наступательные операции.

2. Всем остальным военнослужащим передовой линии выдачу водки в размере 100 граммов на человека производить в следующие революционные и общественные праздники: в дни годовщины Великой Октябрьской социалистической революции – 7 и 8 ноября, в День Конституции – 5 декабря, в День Нового года – 1 января, в День Красной Армии – 23 февраля, в Дни Международного праздника трудящихся – 1 и 2 мая, во Всесоюзный день физкультурника – 19 июля, во Всесоюзный день авиации – 16 августа, а также в День полкового праздника (сформирования части)».

Однако 12 ноября 1942 г. в разгар Сталинградской битвы Сталин установил более либеральный порядок в деле приема 100 грамм. В сутки на человека эту норму теперь выдавали не только наступающим частям, но и всем частям, ведущим боевые действия и находившимся на передовой.

При этом не забыли и полковые, и дивизионные резервы. Им, выполняющим работу «под огнем противника», а также раненым (по указанию врачей) разрешалось принимать «для аппетита» по 50 г в сутки. Водку на фронт привозили в молочных бидонах или в дубовых бочках.

На закавказском фронте вместо 100 г водки выдавали 200 г крепленого вина или 300 г столового.

М.И. Сукнев, будучи комбатом, так вспоминал о наркомовских: «Три года пробыть на фронте – это было мало кому дано из тех, кто не поднялся выше комбатов, командиров батальонов и батарей! Месяц-два, а то и сутки-двое, и твоя гибель неизбежна!

Я уже знал свою норму – стакан водки, больше нельзя. Видно не берет, стакан на меня действовал как 50 г. А не выпьешь, из окопа не вылезешь. Страх приковывает. Внутри два характера сходятся: один – я, а другой – тот, который тебя сохранять должен.

Меня как-то вызвали в полк с передовой, что со мной случилось, не знаю. Вытащил пистолет и стал стрелять в землю. И сам не пойму, почему стреляю. Нервы не выдержали».

В атаку пехотинцы всегда поднимались с большим трудом, а нередко и под насилием с помощью личного оружия командиров и их зуботычин. Об этом мне не раз рассказывал А.З. Лебединцев. Об этом рассказывал моей маме ее отец.

«Мне приходилось видеть своих солдат не только в полной апатии, но и встречать с их стороны недовольство и решительный отпор, когда я пытался в очередной раз снова поднять их в атаку, – писал А.И. Шумилин.

– Ты чего лейтенант? Разве не видишь? Головы поднять нельзя! Мало ли чего от тебя требуют. Пусть сами сначала попробуют сунуться вперед, а мы на них посмотрим! А то давеча старшина рассказывал, сами сидят по избам с бабами, а с нас по телефону требуют!»

А если приказ взять деревню немедленно?

А если по телефону трехэтажный мат и угрозы? Что делать комбату или ротному?

Рассказывает А.З. Лебединцев:

«12 февраля численностью 1216 человек этот полк вернулся в состав дивизии и вскоре получил задачу выдвинуться севернее Шапшугской по щели Киящине. В 10 часов 30 минут началась артиллерийская подготовка. В 10.45 1-й батальон начал наступление на высоту 179.2. Опорный пункт немцев имел впереди окопов минное поле и проволочное заграждение в пять кольев. Наступление было приостановлено в 12.00 в 150 метрах от домика лесника.

13 февраля в 5 часов утра началась новая атака опорного пункта на высоте 179.2 с задачей любой ценой овладеть опорным пунктом, не считаясь ни с какими потерями. Саперы проделали проход в проволочном заграждении. 3-я и 9-я роты прорвались через проход. Командир 3-й роты лейтенант Доронин и командир 9-й роты старший лейтенант Корольков сблизались до 20–30 метров, но ввиду сильного огня вынуждены были отойти с большими потерями. 14 февраля с 5.00 до 10.00 батальон ведет бой за овладение высотой 179.2. Штурмовые группы, подойдя к дзотам на 20–30 метров, ведут огонь по амбразурам, из окопов противник забрасывает наших ручными гранатами. Наши роты понесли огромные потери. Командир полка принял решение вести огонь по амбразурам, чтобы обеспечить вынос убитых и раненых с поля боя. В 11.30 – повторная атака, но безуспешно. Убитых и раненых 61 человек. В числе их был и мой самый близкий друг.

Я почти не изменил стиля записей в журнале боевых действий, чтобы читатели смогли понять, насколько мы были беспощадны не только к врагу, но и к своим людям, посылая их на неминуемую смерть, так и не подавив огневых средств врага. Спросите любого пехотинца или пулеметчика, и он подтвердит вам, что на каждом участке фронта были свои “долины смерти”, где лежали груды трупов наших солдат, посланных в атаку из-за дикого страха командиров перед вышестоящим начальством».

Белорусский писатель Василь Быков до конца своих дней не мог забыть будни окопников: «Я был командиром взвода в обычном стрелковом полку. И своими глазами видел, какие страшные потери несла пехота, какой кровью доставалась каждая пядь. Бывало, днем ведем бой за село (а села на Украине большие), под вечер выбиваем оттуда немцев. Но даже короткий отдых позволить себе нельзя: нужно гнать их, пока не закрепились. Забежишь в какую-нибудь хату, возьмешь кусок хлеба из рук хозяйки да теплую еще свеклу и снова – вперед, вперед. Снова в огонь и дым. С обеих сторон бухают танковые пушки, вокруг рвутся гранаты и мины. Ну и мать-перемать – особенно по телефону, от начальства.

Так продолжается до тех пор, пока немцы остановятся на окраине очередного села. Тогда останавливаемся и мы. Но прямо в поле атаковать уже нет сил. Пулеметным огнем выкашивало в степи роту за ротой за несколько часов. Сотни убитых, сотни раненых. Бросаться спасать кого-нибудь нельзя – это дело санинструкторов. Они же доставляли раненых в тыл – тех, кто получил тяжелое ранение, легко раненные выбирались из-под огня сами.

Покидать боевой порядок запрещалось, даже если ранило кого-нибудь из твоих друзей и ты мог бы его спасти – такая попытка расценивалась как стремление выйти из боя. Тяжело раненные истекали кровью и умирали в зарослях кукурузника. Тот, кто был ранен легко, но промедлил или не смог сразу выбраться из-под обстрела, получал второе, третье ранение, часто смертельное. Один из моих сержантов, раненый в ногу, перед отправкой в тыл попросил закурить и, пока кто-то из бойцов сворачивал ему самокрутку, получил пулю в живот. Не знаю, довели ли его живым до санчасти. Убитых мы не хоронили, – где упал боец, там и оставался лежать. Не было у нас времени валандаться с трупами.

Старшие командиры орали: “Вперед!” Потом, после боя, убитых хоронили специальные похоронные команды”. Они собирали оружие убитых, снимали с них одежду и сапоги, рыли ямы и сбрасывали в них трупы. Закапывали... В штабе части составляли список убитых. Но это совсем не значит, что в той или иной братской могиле лежат только те, кто занесен в список. Точнее, именно те. Порой случались ошибки – боец жив, а числится в списке. И, наоборот, – в списке убитых солдата нет, а он лежит в этой могиле...

Не спали сутками. Бессонница и усталость вызывали состояние полного безразличия. Даже под огнем не хотелось окапываться или искать укрытие: убьют, и черт с ним! Только бы поскорей, чтобы не мучиться, не мерзнуть. Лютая стужа была сильнее страха.

Особенно ночью, в степи. Мороз не давал сомкнуть глаз, пробирал до костей. Дрожишь всем телом, топаешь ногами. Даже лежа в снегу, стучишь ими, как в агонии. До сознания

доходили только команды командиров вперемежку с матюками. Или обстрел с близкого расстояния. Почти в упор. Или когда мины ложились рядом. Тогда на короткое время охватывал страх. А затем опять наваливалась усталость и безразличие ко всему».

* * *

9 ноября 1942 г. Приказом НКО СССР № 347 был утвержден и введен в действие новый Боевой устав пехоты Красной Армии. Только теперь некоторые положения Боевого устава существующие с 1927-го и 1938 г. впервые назвали устаревшими и способными принести большой вред. Для этого понадобилось потерять в 1941 г. 4 млн. 473 тыс. 820 чел. (убитыми и ранеными на этапах санитарной эвакуации – 465,4 тыс. чел., умершими от ран в госпиталях – 101,5 тыс. чел., умершими от болезней, погибшими в результате происшествий – 235,3 тыс. чел., пропавшими без вести и попавшими в плен – 2 335,5 тыс. чел., ранеными, контужеными – 1 256,4 тыс. чел., заболевшими 66,1 тыс. чел., обмороженными – 13,6 тыс. чел.) и в 1942 г.: 3 258,2 тыс. (безвозвратные потери) и 4 111,1 тыс. чел (санитарные потери).

Только теперь новый Боевой устав исключал поэшелонное построение в глубину боевых порядков дивизии от взвода до дивизии. В основу построения боевых порядков пехоты было положено обязательное требование максимального и одновременного участия в бою пехоты и ее огневых средств от начала до конца боя.

Только теперь для отражения внезапных ударов противника, особенно на флангах и стыках, для поддержки ведущих бой частей, а также для развития закрепления достигнутого успеха должны были создаваться резервы в зависимости от выполняемой задачи и т. д.

Только теперь требовалось сосредоточить основные силы, средства и усилия на направлении главного удара и атак меньшими силами на вспомогательном направлении.

Только теперь командиры были названы центральной фигурой боевых порядков, а, значит, командиры взводов, рот и батальонов должны были находиться за боевыми порядками своих подразделений и частей, на месте, с которого они могли бы наблюдать за ходом боя как своего подразделения, так и на флангах соседей, видеть свой боевой порядок и наблюдать за противником.

Только теперь командирам взвода, роты и батальона разрешалось выдвигаться перед боевыми порядками и лично вести за собою в бой свои подразделения лишь в исключительных случаях.

Только теперь было восстановлено для стрелкового отделения, взвода, а в некоторых случаях и для роты применение залпового огня.

Только теперь современный бой пехоты стал рассматриваться как бой соединенных родов войск, в котором большое участие должны были принимать артиллерия, огнеметы, танки и авиация, что соответственно требовало строго налаженного и непрерывного взаимодействия.

Только теперь оборона была названа нормальным видом боя в современной войне, а наиболее типичным случаем наступления – фронтальный удар с целью прорыва, организуемый из района непосредственного соприкосновения с противником.

Только теперь были введены новые понятия: артиллерийское наступление и авиационное наступление с целью непрерывной поддержки пехоты массированным огнем в течение всего периода наступлений.

Только теперь оборона должна была стать противоракетной, противопехотной, противовоздушной и глубокой, а следовательно, упорной и активной. При этом фортификационные мероприятия войск должны были обеспечивать живучесть и устойчивость обороны.

В общих положениях устава были определены и задачи пехоты:

«— в наступательном бою умело сочетая огонь и движение, сблизиться с противником, атаковать его, захватить в плен или уничтожить в рукопашной схватке и закрепить за собой захваченную местность;

— в оборонительном бою мощным и метким огнем и решительными контратаками отразить атаки пехоты и танков противника, нанести ему тяжелые потери и удержать за собой обороняемую местность.

Стойкая оборона дело чести пехоты. Она может отходить только по приказу старшего начальника».

Но сколько еще потребовалось времени и крови, чтобы соблюдать ближе к тексту, написанные опять-таки кровью в 1941–1942 гг. буквы Боевого устава. Чтобы наконец-то одержать победу над врагом в 1945-м!

Ведь и в 1943-м, и в 1944-м нередко пехоту по привычке гнали на убой вопреки всем новым уставам, наставлениям и приказам!

Вспоминает М. Сукнев (середина марта): «Прошу его вызвать комдива Ольховского и отменить штурм без соответствующей артподготовки. Ведь наша полковая, в одну батарею, артиллерия — это капля в море.

Говорю:

— Товарищ подполковник, позвоните командиру дивизии. Отставьте. Вы же на убийство нас посылаете. Всех! Живым никто не вернется.

— Не могу! Приказ командарма! — резко ответил Лапшин.

Я почти молил не губить не только батальон, но и весь полк, ибо от нас видны колокольни Новгорода. Это значило — противник нас просто расстреляет на этом пойменном ледяном поле!»

М.И. Сукнев

И бой начался: «Грянул непрерывный взрыв, от которого у меня чуть не лопнули барабанные перепонки в ушах, а многие надолго оглохли. Немцы открыли стрельбу из 500, если не более орудий, и все снаряды осколочно – бризантные или шрапнель! Не достигая земли, они рвались над ней в 10–15 метрах, поражая все живое. (...)

Попадались убитые наши, по двое-трое, но это были трупы, это были бестелесные останки! Пустое обмундирование, без голов, пустые мешки с сапогами, даже без костей! Взрыв бризантного снаряда над головой – и человека нет, он уже “без вести пропавший”. При взрыве такого снаряда температура достигает двух тысяч градусов, и человек испаряется мгновенно.

Мы наткнулись на проволочные заграждения, а наши где-то еще дальше, уже в траншее противника, вели штыковой и огневой бой. (...)

Батальоны Кальсина и Гайчени, атаковавшие в лоб, натолкнулись на каменные стены “земляного” вала и отхлынули назад, оставив на поле убитыми по одной трети батальонов, унося столько же ранеными.

Батальоны отступили на исходное положение атаки».

Спустя десятилетия комбат Сукнев прочтет справку из архива Министерства обороны, где будет сухо написано:

«15.03.1943 г. 52-я армия перешла в наступление с задачей форсировать реку Малый Волховец, уничтожить противостоящего противника и овладеть городом Новгородом.

Войска армии встретили сильное огневое сопротивление противника.

С 16 по 20 марта 1943 г. включительно все попытки перейти в наступление успеха не имели. Приказом Волховского фронта на основании распоряжения Ставки ВГК наступление войск 52-й армии было прекращено...»

Только тогда из 450 человек его батальона в строю осталось всего 15! Ведь как-то не по Боевому уставу все получилось!

Когда М.И. Сукнев вернулся в полк в октябре, то воочию увидел повторение бойни: «В первых числах октября, еще было тепло, 1-й батальон Гайчени бросили форсировать Волхов и брать высоту Мысовая, расположенную неподалеку от новгородского пригорода Кречевицы, это была не высота, а береговой мыс на западной стороне реки. На рассвете без надлежащей артподготовки, не подавив основные огневые средства противника, батальон на лодках (в которых каркасы были обтянуты брезентом) достиг середины реки и был встречен ураганным артиллерийским и пулеметным огнем немцев.

На противоположный берег высадились две трети батальона, остальные пошли на дно Волхова с лодками и пулеметами... Это был расстрел, как и при штурме Новгорода!

Семь дней бился батальон, погибая в неравной схватке. Они все-таки прорвались до шоссе Подберезье – Новгород, уже северо-западнее высоты! Но помощи не было ни от полка, ни от дивизии. Эту высоту хотели взять «на авось», что стоило полку гибели батальона, его командира Григория Гайчени и замполита Федора Кордубайло. Что думали они, погибая?

Без резервов, необходимой артподготовки им было приказано брать высоту с форсированием реки шириной 600 метров. Это – безумие!»

Один из авторитетных аналитиков германского вермахта не без иронии отмечал в своем исследовании: «Хотя русские уставы и характеризуют наступление как основной вид боевых действий, все же наиболее сильной стороной русской армии, пожалуй, следует признать оборону. Одна из причин этого заложена в самом национальном характере русских. Способность русского солдата все перетерпеть, все вынести и умереть в своей стрелковой ячейке является важной предпосылкой для упорной и ожесточенной обороны.

Она дополняется сильной связью русского солдата с природой, что позволяет ему в обороне мастерски оборудовать свои позиции и прекрасно маскироваться.

Вторая причина – бесконечные пространства русской территории. Огромные пространства, которых не имели армии других стран, позволяли русским на протяжении всей своей военной истории искать в них решения исхода войны в свою пользу, причем противник, как писал Клаузевиц, погибал не столько от меча, сколько от своих собственных усилий».

«Характерными особенностями наступательных действий русской армии в период 1943–1945 гг. являлись массирование войск на узких участках, большой расход снарядов и мин, а также стремление вклиниться в оборонительную позицию, следуя непосредственно за разрывами снарядов своей артиллерии, – писал генерал Эйке Миддельдорф. – В конце

войны русские значительно усовершенствовали методы ведения наступательных действий и поразительно быстро сделали их достоянием войск».

Но почему-то и в 1944-м разведку боем в Красной Армии называли по-прежнему «разведкой жизнью».

«Потому что перед настоящей разведкой боем надо сначала как следует обработать передний край противника артиллерией. А у нас додумались – без всякой подготовки. Те подпускают вплотную, обратно никто не возвращается. На глазах у меня убивало по роте... Все лежат белые, как гуси-лебеди, в масхалатах, никто не шевельнется», – свидетельствовал М.И. Сукнев.

А мне вспомнились слова Виктора Астафьева из его романа «Прокляты и убиты»: «Господи! – думал я, глядя на остров, на тухлые воды, покрывшие древнюю реку. – Уж не сослуживцы ли мои, не братики ли солдатики из двадцать первого полка выходят ногами из мутных вод, покрывших ранние их безвестные могилы, и напоминают о себе и о своей доле таким вот странным, лешачьим образом, спасенным от фашизма гражданам родного отечества, забывшим и себя и нас, все святое на этой земле поругавшим».

3. Солдатская доля, или О вытянувших всю войну

34 млн 476,7 тыс. человек надевали шинели в течение всей войны...

21,7 млн человек (призывавшихся или состоящих на военной службе) по различным причинам убыли за годы войны из рядов Красной Армии и Флота...

Безвозвратные потери (убиты, умерли, пропали без вести, попали в плен, не боевые потери) рядового и сержантского состава за войну составили 10 384 869 человек, или 92,02 %

...

Санитарные потери (ранены, контужены, обожжены, заболели, обморожены и т. д.) рядового и сержантского состава составили 16 969 837, или 92,51 %...

О чем говорят эти безумно страшные цифры (тем более, если они не точные)?

Прежде всего о кровавой трагедии, развернувшейся на полях сражений Великой Отечественной войны! О неисчислимых жертвах, великом горе, миллионах слез матерей и вдов! А еще о солдатской доле, которую сотворила война своим диким безумием!

Война насильно ворвалась в каждую их жизнь, чтобы забрать ее или остаться в ней навсегда!

Солдаты Великой Отечественной войны. Сколько написано о них книг, сколько посвящено стихов и песен, сколько сказано, а все равно не все.

Тогда на фронте они были самыми незащищенными, самыми неизвестными, самыми смертными. Ведь скольких еще не нашли, не перезахоронили, не наградили. А сколько их остаются до сих пор без вести пропавшими.

«Скажу о себе, – абсолютно искренне писал о солдате Виктор Некрасов. – Я был офицером Красной Армии и до сих пор питаю к ней любовь и уважение. Более того, она для меня родная. Нет ничего ближе для меня, чем мой друг – фронтовик, чем Ванька – взводный, чем красноармеец, боец, “колышек”, как называли мы его на своем идиотском телефонном коде. Солдат! (Первое время после введения этого старорежимного термина мы относились к нему иронически, как к поганам, – “Эй, солдат, иди сюда!” – это несерьезно, шутливо.) Солдат! Как много в этом слове. И смелость, и добродушие, и хитрость, и любовь к жизни, и презрение к смерти, и желание обмануть ее, а заодно и тебя, свое начальство, и само отношение к начальству, человеку городскому, пусть образованному, но не умеющему отличать рожь от пшеницы (я, во всяком случае), и отношение к врагу, немцу, “фрицу” – непонятному и злему, когда он в своих окопах или в кабине “мессера”, и жалкому, вызывающему сострадание пленному, в обнимку со своим набитым черт знает чем сидором, сидящему у костра на берегу Волги...

Родной ты мой “березовый колышек” (в отличие от “горелого”, не в обиду ему будет сказано, не понимающего по-русски узбека или казаха). Я навеки полюбил тебя, деревенского парнишку в нелепо торчащей на голове пилотке или серой ушанке в майскую жару (во время харьковского наступления 42-го г. мы все были в ушанках, а до того в лютую зиму, в запасном батальоне, под Сталинградом, обмундирование было х/б – хлопчатобумажное – и ни признака белья), в ботинках на два номера больше и вечно разматывающихся обмотках, ленивого, всегда голодного и “не перекурить ли нам этого дела, товарищ капитан?”, а в общем-то, вытянувшего всю войну и водрузившего знамя (я знал потом обоих – и Егорова, и Кантарию – хитрые мужички) на самом Рейхстаге. Ну как тебя не полюбить, защитничка нашего, победителя?»

Русский писатель Б.Л. Васильев чудом вышел мальчишкой из окружения в октябре 1941-го под станцией Глинка. Потом в его солдатской жизни была пулеметная школа. В ней старшего сержанта Васильева оставили как отличника и назначили заместителем командира учебного взвода.

«Мне нравилась моя служба. В армию приходили взрослые мужчины из запаса, я рассказывал им о немецкой армии, о ее способах ведения боя. Я не занимался с ними строевой подготовкой, поскольку на фронте она не нужна, но без всякой пощады гонял их в двадцатикилометровые кроссы по пересеченной местности. Уж что-то, а бегать на фронте им придется немало.

А еще я рассказывал им, что нельзя хранить взрыватели в нагрудных карманах, нельзя пить перед боем – ни глотка! – если они хотят остаться в живых и что в атаке нельзя расходовать всю обойму, поскольку на перезарядку времени не будет, а с немцем в рукопашную один на один может пойти только ненормальный.

– Это понятно! – гоготали мои мужики. – Они, поди, не одной картошечкой с детства кормлены», – вспоминает Борис Львович.

Однако, несмотря на некоторое благополучие, он писал рапорты с просьбой отправить на фронт, потому что доходил на третьей норме...

Да только случай помог попасть в резерв сержантского состава Западного фронта.

«В Москве, в знаменитых Алешинских казармах свирепствовала страшная дисциплина. Нас никуда не пускали, день был расписан по минутам, построения следовали за построениями, а за нарушения – гауптвахта. И кормили еще хуже, чем в полковой школе...»

Правда, через три дня все закончилось, и старшего сержанта Васильева распределили в 8-й Гвардейский воздушно-десантный полк 3-й Гвардейской воздушно-десантной дивизии.

Слово Б.Л. Васильеву: «В восемь утра я прибыл в Монино. Спросил у патруля, как мне пройти в штаб полка, притопал по указанному адресу, объяснил дежурному, что направлен к ним в полк, и был допущен к самому исполняющему обязанности командира полка майору Царскому.

В большой захламленной и невероятно прокуренной комнате – бывшей учительской, поскольку штаб располагался в школе, – сидело и лежало десятка два людей самого растерзанного вида. Офицеры и сержанты были одинаково тяжелы с беспробудного похмелья, на столе среди объедков хлеба, колбасы, соленых огурцов и капусты валялись пустые бутылки. Я доложил по всей форме здоровенному одесскому биндюжнику в распахнутой в настежь гимнастерке со Звездой Героя, кто я, откуда и зачем прибыл.

– Пехота?

– Так точно!

Так я сам себя определил в пехоту, а посему был, с точки зрения десантного командования, обязан заниматься караулами, разводами, построениями, ночными поверками часовых – словом, всей пехотной суетой. Мне это было привычно, караульную службу я знал, а об уставах и говорить не приходится. Впрочем, о них никто не вспоминал. Полк только приступал к формировке на основе чудом выживших из боевого сбора десантников, которым пока еще было не до того, чтобы заниматься поступившим пополнением. Они еще переживали чудо собственного спасения, горячку скоротечных боев и гибель товарищей. Я их понимал, выполнял всю повседневную рутинную текучку строевой жизни, но как же я им завидовал! И так мечтал попасть в их окружение на любые роли. Даже на роль “выпить подано”. Льготы были почти безгрешными: я просто хотел послушать их рассказы, еще не понимая, что десантники, побывавшие в боевых сбросах, больше всего на свете не любят рассказов о том, что с ними случалось по ту сторону фронта».

Вскоре Борису Львовичу выдали очень хороший ватный комбинезон, стали прибывать кандидаты в десантники, и полк приступил наконец-то к «ежедневной и весьма жесткой программе подготовки завтрашней воздушной пехоты». Начались прыжки.

Далее Бориса Львович вспоминает: «Мы совершили по шесть прыжков, в том числе четыре с полным снаряжением и два – ночных. (...) Все шло удачно. Я удачно приземлился,

удачно гасил парашют, удачно скатывал его и волок к месту сбора. И так шло до первой половины марта.

16 марта 1943 г. наш взвод поднялся по тревоге, когда было еще темно. В оружейной комнате выдали снаряжение из запечатанных отсеков, и мы поняли, что сброс будет боевым. Это знали и бывалые оружейники. Помогая каждому подогнать одежду и оружие, они после обязательного приказа “попрыгать” молча клали руку на плечо.

Мы грузились в уже прогретые и готовые к старту “дугласы” в сером предрассветном полумраке. В первый – командир с полувзводом, во второй – я со своими восемнадцатью бойцами. И не успели как следует рассестись на узких боковых скамьях, как самолеты пошли на взлет.

В “дугласах” было тесно и холодно. Кажется, мы молчали, не помню. Помню, что я только собрался заговорить, покопавшись в памяти и подобрав что-то смешное, как зажглась лампочка над кабиной пилотов, а возле дверей появились рослые фигуры выбрасывающих. (...)

Внизу дул резкий ветер, и я, упав на бок, сразу же отстегнул парашют, чтоб меня не уволочило. Тут же вскочил на ноги и оглянулся.

До сих пор мне снится эта точка моего первого боевого приземления. Низменный зазеленелый берег какой-то речки, на котором дугами торчали еще не вытявшие вершинками лозы, и я крикнул ребятам, чтобы смотрели под ноги. Чуть левее горел то ли город, то ли большое село, откуда доносилась редкая стрельба орудий.

Никого из моих подчиненных никуда не отнесло, и, хотя солнце еще не показалось, ледяная поверхность отсвечивала достаточно, чтобы всех пересчитать и не прибегать к свистку. А когда они собрались, трижды коротко свистнул командир: “Все ко мне!”

Но я уже знал, как нам бежать. Противоположный берег был обрывист, и под этим обрывом я и решил провести своих бойцов к командиру.

Сказал:

– За мной. Тихо и не отставать.

Это было последнее, что я тогда сказал. Я бежал впереди под обрывом и только завернул за поворот, как перед глазами сверкнула яркая вспышка.

И больше я ничего не помню. Ничего...»

Бориса Львовича тяжело оглушило. Он оглох, ничего не видел и не мог ходить. Его голова все время болела. В себя он пришел в Костромском эвакогоспитале...

* * *

Знаменитый диктор Центрального телевидения Виктор Иванович Балашов на фронт ушел в конце лета 1941-го. Совсем недавно он закончил десять классов. А чтобы никого не смущали его неполные 17, прибавил себе три года.

Прямо из Москвы он попал под Брянск на войну.

Виктор Иванович вспоминает: «Мы захватили вражеский окоп. Я бегу, а на пути мертвый немец лежит. Совсем юный: огромный, светловолосый. Помню, я ему на живот наступил, потому как перепрыгнуть было невозможно. Мчусь, и мысль мелькнула: вот ведь парень, как я. Погиб во цвете лет. За что? Вдруг прямо над пилоткой пуля просвистела и вошла в подушку, лежавшую на бруствере. Так мне повезло в первый раз.

Я вернулся с ночного задания, пришел в сарай, где мы жили, стал раздеваться, скинул шинель и вдруг обнаружил, что левый рукав гимнастерки прострелен. А меня пуля даже не задела. Так я остался жить во второй раз.

У села Поньры нас бросили в атаку. Мы шли во весь рост. Но прорыв наш был жестоко подавлен немцами. Обстрел фашисты вели очень плотный, идти вперед невозможно. Тут

мой товарищ, сержант-узбек, говорит: “Прыгай в воронку”. Потому что есть закон: снаряд в одну воронку дважды не попадает. Нырнули мы в яму, лежим – друг от друга в полуметре. И вдруг что-то между нами как шлепнет и зажужжало в песке. Поворачиваем головы, а это крутится огромный осколок от снаряда».

Так солдат Балашов ушел от смерти в третий раз.

Чемпион Москвы по самбо, он воевал в разведке почти три года. Два ордена Красной Звезды – серьезные награды для солдата! Именно их и заслужил Виктор Иванович на фронте. И все же первое легкое ранение он получил. В ногу. Второе оказалось гораздо тяжелее. И тоже в ногу.

«Это случилось под Орлом, за пять дней до начала битвы на Курской дуге. Разведгруппа Балашова отправилась на задание за линию фронта. Ночь. Подползли к колючей проволоке, аккуратно ее разрезали... Вдруг сработала сигнализация. Тут же немцы засветили ночное небо сигнальными ракетами. А у разведчиков инструкция: если засекут – в бой не вступать, а возвращаться на свои позиции. Поползли – немцы открыли стрельбу, ранило всех пятерых. Лежат наши солдатики окровавленные в чистом поле. С одной стороны за ними фрицы ползут, а с другой – наши санитарочки.

Девочки первыми успели, положили ребят на салазки – к своим».

Осколок попал в бедро. Сначала была сложная операция в полевом госпитале. Затем отправка в тыл на санитарном самолете «По-2». Затем санитарный поезд. Эвакуация в Рязань, в Свердловск, в Красноярск. И в каждом городе – операция. А в конце 1944 г. война для Балашова закончилась.

* * *

Для величайшего актера Иннокентия Михайловича Смоктуновского путь на войну начался в январе 1943 г. Сначала было военное училище. Но там, за то, что курсант Смоктуновский собирал оставшуюся картошку, его отправили на фронт.

Потом он воевал на Курской дуге, участвовал в форсировании Днепра и освобождении Киева.

«Не верьте, что на войне не страшно, это страшно всегда. А храбрость состоит в том, что тебе страшно, а ты должен преодолеть животный ужас и идти вперед, и ты это делаешь», – говорил Иннокентий Михайлович.

В первых числах декабря 1943 г. в бою под Житомиром Смоктуновский, находясь в окружении, был захвачен в плен.

Но нечеловеческие условия не смогли сломать Иннокентия Михайловича: «Был и другой выход – желающим предлагали службу в РОА... Но меня он не устроил...»

Однажды колонну советских военнопленных гнали в Германию. Смоктуновскому стало плохо с желудком. «И когда он уже был не в силах терпеть, ему и еще одному пленному разрешили по нужде выйти из строя. Смоктуновский до конца жизни с благодарностью вспоминал этого солдата, который жестом показал ему оставаться под мостом, а сам взял и скатился на спине по снегу, смазав их следы. Так отсутствия Смоктуновского никто и не заметил. А он чуть ли не сутки просидел в сугробе, а потом пробрался в близлежащую деревеньку», – рассказывает о своем друге Римма Маркова.

Несколько недель Иннокентий Михайлович скитался по лесам, скрываясь от немцев. «То и дело впадая в полузабытие от голода, он пробирался через чащи, пока наконец не выбрался к деревушке Дмитровка. Здесь его, умирающего от истощения, подобрала старушка-украинка». «У Шевчуков Смоктуновский прожил около месяца, а в феврале 1944-го случай помог ему добраться к партизанам. Несколько месяцев он воевал в партизанском

отряде им. Ленина Каменец-Подольского соединения. В мае 1944-го произошло соединение партизанского отряда с регулярными частями Красной Армии».

Закончил войну старший сержант Смоктуновский в Германии с медалью «За отвагу». А вторая медаль «За отвагу» нашла его почти через 50 лет (с 1943 г.) на мхатовском спектакле «Кабала святош».

* * *

Весной 1941 г. Юрий Владимирович Никулин начал готовиться к демобилизации. Подходила к концу срочная служба в Красной Армии. Ему было двадцать. Но все изменила начавшаяся война. Уже в первые дни его зенитная батарея открыла огонь по самолетам противника, которые прорывались к Ленинграду.

Воевал Юрий Владимирович до весны 1943 г. Затем дважды находился на излечении в госпитале – с воспалением легких и после контузии. После излечения был направлен в 72-й отдельный зенитный артиллерийский Пушкинский дивизион резерва Главного командования, что базировался под Колпином. Старший сержант Никулин исполнял должность помощника командира взвода.

«Не могу сказать, что я отношусь к храбрым людям, – вспоминал актер. – Нет, мне бывало страшно. Все дело в том, как тот страх проявляется. С одними случались истерики – они плакали, кричали, убегали. Другие переносили внешне спокойно...

Но первого убитого при мне человека невозможно забыть. Мы сидели на огневой позиции и ели из котелков. Вдруг рядом с нашим оружием разорвался снаряд, и заряжающему осколком оторвало голову. Сидит человек с ложкой в руках, пар идет из котелка, а верхняя часть головы срезана, как бритвой, начисто...»

Победу Юрий Никулин встретил в Прибалтике. А 18 июля 1945 г. Приказом по артиллерии Ленинградского фронта № 081/Н его наградят самой уважаемой в солдатской среде медалью – «За отвагу».

* * *

Любимейший советский актер Анатолий Дмитриевич Папанов на фронт ушел в 1941-м.

«Разве можно забыть, как после двух с половиной часов боя из сорока двух человек осталось тринадцать?» – не раз вспоминал он спустя годы.

В начале 1942 г. Папанова тяжело ранило в ногу на Юго-Западном фронте. Почти полгода он лечился в госпитале и был комиссован по инвалидности осенью же 1942-го.

Для инвалида третьей группы война закончилась рано. Но всю оставшуюся жизнь она напоминала Анатолию Ивановичу этим ранением: косточки на ступне периодически отторгались организмом.

«Немец мне полпятки срезал», – как всегда с долей иронии говорил Папанов о своем серьезном ранении.

* * *

7 июля 1941 г. Михаил Иванович Пуговкин ушел на фронт, прибавив себе всего один год.

«Нас, ополченцев, в срочном порядке посадили на 90 автобусов и повезли в сторону Смоленска, – рассказывает Михаил Иванович журналисту Д. Мельману. – Оружия

не выдали. Даже в военное обмундирование не успели переодеть: ехали в майках и белых тапочках, которые чистили зубным порошком... По дороге мы попали под обстрел немецких бомбардировщиков, и из всей нашей колонны уцелело всего 3–4 автобуса, не больше. Мне повезло: со своим товарищем, художником Борисом Бариновым, мы выжили в этом крошечном аду.

Попали в Ельню, которая семь раз переходила от русских к немцам и наоборот. Вот там, на Смоленском фронте, я и увидел, как предавали нас, солдат, советские генералы. Начиная с Власова. Они бросали командные пункты, стреляли друг в друга... Творилось Бог знает что».

Под Ворошиловградом в 1942 г. Михаил Иванович был тяжело ранен в ногу. Уже в госпитале началась гангрена, и Пуговкина стали готовить к ампутации. Три сложнейших операции полевого хирурга – и всего лишь шрам через всю ногу на всю оставшуюся жизнь.

Затем несколько месяцев в эвакогоспиталях Грозного, Тбилиси, где рана зарастала вполне естественным путем. Но дальше еще страшнее: «Когда немецкие войска подходили к Кавказу, мне, как и другим раненым, выдали документы и отпустили домой на амбулаторное лечение. Но добирался до Москвы я целый месяц. На пароход “Ворошилов”, плывущий через Каспийское море, в первую очередь сажали летчиков, а мы, триста человек раненых, ждали своей очереди погрузки. И тут я собственными глазами увидел, как офицеры, вместо своих жен и детей, грузили на борт большие сундуки, баулы и картины. Естественно, все взбунтовались – стали самовольно, не дожидаясь очереди, штурмовать пароход. Не разбирали никого: свой, чужой... В ход уже пошли ножи, пистолеты и даже гранаты. Каким образом я оказался на пароходе – до сих пор страшно вспоминать. Ведь столько тогда человек погибли в этой чудовищной давке...»

Однако зацепило и Михаила Ивановича. Осколок гранаты, брошенный кем-то из толпы, попал ему в щеку.

«Лицо сильно распухло, один глаз не открывался, и даже медсестры эшелона, направляющегося в Москву, шарахались при виде искалеченного солдата».

В июле 1942 г. М.И. Пуговкина уволили в запас по болезни. Казалось бы, стрелок, а затем разведчик войсковой разведки 1147-го стрелкового полка войну отвоевал.

В 1943 г. с палочкой Михаил Иванович пришел в Московский драматический театр, где ему дали главную роль в спектакле «Москвичка». Но в августе 1944 г. его снова мобилизовали в армию и направили для учебы в Горьковское танковое училище. Там и застала Пуговкина Победа!

* * *

Известный в России и за рубежом русский писатель и философ Александр Александрович Зиновьев войну застал во время прохождения срочной службы сержантом танкового полка. В своей, на мой взгляд, выдающейся книге «Русская судьба, исповедь отщепенца» он пишет: «Наше бегство перешло в отступление с боями – приходилось как-то обороняться. Ожидалась атака немецких автоматчиков. Наше сильно поредевшее подразделение было не способно долго обороняться. Было приказано отступить, оставив прикрытие.

А.А. Зиновьев

Несколько человек вызвались добровольцами, я – в их числе. Мы, оставшиеся прикрывать отступление части, приготовились сражаться до последнего патрона и достойно умереть. Это не слова, а вполне искреннее решение. Я заметил, что активная готовность умереть снижает страх смерти и даже совсем заглушает его. Мне не было страшно умереть, будучи беззащитным и не имея возможности наносить удар врагу. Это мое состояние идти навстречу смерти было лишь продолжением и развитием моего детского стремления преодолеть страх, идя навстречу источнику страха. Скоро показались немцы. Мы начали стрелять. И они открыли стрельбу. Мне не раз приходилось читать описания психологического состояния людей в первых боях. Может быть, в этих описаниях была доля истины. Но со мной, так же как и с моими товарищами, ничего подобного не было. Мы начали стрелять так, как будто были старыми солдатами, привыкшими убивать. И дело было не только в том, что враги были на расстоянии, мы не видели их лиц и не знали, в кого именно мы попадем.

Потом мне пришлось участвовать в уничтожении группы немецких автоматчиков, оторвавшихся от своей части. Два немца залегли около будки высокого напряжения. Я и еще один солдат встали во весь рост и пошли на них с винтовками. Они не стреляли, может быть, растерялись от неожиданности. Мы прикололи их штыками. Произошло это так быстро, что мы просто не имели времени испытать все те психологические перемены, которые так подробно и вроде бы со знанием дела описывали писатели.

В этой операции я был ранен в плечо. Ранение оказалось не опасным. Но плечо распухло.

Я долго не мог двигать рукой. Ни о каком госпитале и думать было нечего. Некому было даже перевязать плечо. Я был горд тем, что был по-настоящему ранен. И был рад, что уцелел. (...) После сдачи Орши мы отступали в направлении к Москве. Я тогда установил для себя, что война – это пять процентов сражения и на девяносто пять процентов – всякого рода передвижения и работы. А из пяти процентов сражений противника в лицо видит лишь ничтожная часть воюющих. Большинство солдат погибали, ни разу не увидев врага, а многие – даже не сделали ни одного выстрела. (...) Конечно, война не была развлечением. Были все те ужасы, о которых писали бесчисленные авторы и которые показывались в бесчисленных фильмах. Я их видел и переживал так же, как и другие. Кое-что досталось и мне самому. Я не могу добавить к тому, что уже сказано на эту тему, ничего нового. Кроме того, мое сознание всегда было ориентировано так, что все очевидные ужасы проходили мимо меня стороной. Я видел в происходящем то, на что не обращали внимания другие, а именно нелепость, уродливость и вместе с тем чудовищную заурядность происходящего».

* * *

Народный артист России Георгий Александрович Юматов в 1941 г. поступил в Московскую объединенную школу ВМФ. Ему было пятнадцать. Со школьных лет москвич Юматов мечтал стать моряком, достаточно серьезно занимался спортом. И вот он в школе юнг, где сотни мальчишек с великим удовольствием постигали азы армейской службы в напряженной учебе, учебных вахтах, нарядах и караулах.

Среди морских специальностей Георгий Александрович выбрал специальность сигнальщика. И не только потому, что курс обучения там был короче.

«Я пошел в сигнальщики не случайно, – рассказывал он своему однокашнику, – мне казалось, что их работа на корабле – одна из самых важных. Сигнальщик – глаза и уши командира, и даже когда от пуль и снарядов не было спасения, стоял на мостике, ты должен видеть все на море и на суше...»

Георгий Александрович буквально рвался на фронт. Куда попал уже в 1942 г. шестнадцатилетним юнгой. Был рулевым-сигнальщиком на бронекатерах Азовской, а затем и Дунайской флотилий. Участвовал в Малоземельском, Евпаторийском десантах, в штурме Измаила, во взятии Будапешта, Бухареста и Вены.

Неоднократно раненный и контуженный, он был точно заговоренный. В одном бою их корабельная собака, испугавшись обстрела, прыгнула за борт. Георгий бросился за ней. В это время его торпедный катер разнесло снарядом в щепки. И он остался жив.

Была в военной биографии великого артиста-самородка и рукопашная за Венский мост, где погибли более 2000 моряков-десантников. При этом Георгий Александрович ни разу не сошел на берег, не побывал в госпитале, предпочитая лечиться на кораблях.

Медаль Ушакова, которой он был награжден 25 ноября 1944 г. Приказом по Керченской бригаде кораблей за № 05, стала самой значимой для него наградой из всех заслуженных на фронте.

Демобилизовавшись в июле 1945 г., матрос Юматов совершенно при фантастических обстоятельствах стал актером. И в 1949 г. служил в Государственном театре киноактера.

* * *

Булат Шалвович Окуджава ушел на фронт семнадцатилетним добровольцем в апреле 1942 г. В Кахетии, где базировался 10-й отдельный запасной минометный дивизион, таких, как он, мальчишек встретили неприветливо. Они ходили в своем домашнем, не принимали присягу, потому что не было обмундирования. «А потом нам выдали шапки альпийских стрелков, и мы, обносившиеся, босиком, в этих альпийских широкополых шляпах, запевая и ударяя босыми ногами в грязь, ходили строем, – рассказывал Булат Шалвович. – Однажды нас вдруг подняли. Повезли в баню и после помывки выдали новую форму. Привезли нас, чистеньких, в Дом офицеров в Тбилиси».

Правда, после многочасового митинга и художественной самодеятельности Окуджаву и его товарищей отправили не на фронт, а под Тбилиси. Он вспоминал: «Там мы изучали искусство пользования ручной гранатой. Раздали гранаты и предупредили, что если сунуть неудачно капсулу внутрь, то тут же взрыв, и все. Гранаты заставляли на пояс прицепить, капсулы отдельно, и с этим добром велели лечь спать. Мы ложились медленно, стараясь не дышать. Ночь была страшная. Полный ужас. Утром смотрим: стоят новенькие американские “студебекеры”, наши минометы прицеплены к ним. По машинам! Скорее, скорее. Эшелоны стоят. Погрузка. Начинаем грузить каждый свой миномет». А дальше фронтовые скитания: «Это была отдельная минометная батарея, которая придавалась разным частям. Вот мы едем-едем, нас должны придать такому-то полку. Приезжаем, оказывается там уже батарея есть. Потом несколько дней ждем, потом нас отправляют в другое место. Опять эшелон, опять придают какому-то полку. Придали, оказывается у нас нет довольствия. Все жрут, а нам есть нечего. Что делать? И командир нам как-то говорит, что надо самим еду доставать. Мы по парам разделились и пошли по разным кубанским селам просить милостыню. Кто что давал, все в общий мешок приносили. В казарме все это раскладывали на одинаковые кучки. Потом один отворачивался: “Кому?” – “Тому”. Так раздавали. И командиры питались, и мы.

Потом попали на фронт. Где меня ранило весьма прозаически. Из крупнокалиберного пулемета, с самолета. “Рама” летала и постреливала. Случайно какая-то пуля раздробила кость и застряла в бедре. Я долго ее потом носил на веревочке...»

В общем, толком повоевать у Булата Шалвовича не получилось. «Месяца полтора, – рассказывал он Юрию Росту, – я вообще в чистом виде на фронте очень мало воевал. В основном скитался из части в часть. А потом – запасной полк, там мариновали. Но запасной полк – это просто лагерь. Кормили бурдой какой-то. Заставляли работать. Жутко было. Там уже содержались бывшие фронтовики, которые были доставлены с фронта. Они ненавидели это все.

Осенью 43-го г. – опять баня, опять новая одежда. Эшелон. И повезли. Слух пошел, что под Новороссийск нас везут. По пути шел грабеж полей, к тому же к поезду выходили крестьяне. Со жратвой. (...)

Мы им американские ботинки рыжие, они взамен тоже ботинки, но разбитые, и еще в придачу кусок хлеба и сала кусок. Поэтому мы приехали к месту назначения грязные, рваные, похожие на обезьян, спившиеся. И командиры, и солдаты. И нас велели отправить в Батуми, в какую-то воинскую часть, приводить в чувство. Там казармы, на полу солома, прямо на соломе мы спали. Ничего не делали. Я запомнил только то, что повели нас на экскурсию: почему-то дачу Берия смотреть». А дальше: «Погрузили на баржу и повезли под Новороссийск. У нас почему-то много вина всякого: пьем и плывем, пьем и плывем. Потом стали слышать уже выстрелы. Потом долго стояли, нас не выпускали. Однажды ранним

утром нас построили на палубе. Пришел какой-то фронтовой начальник. Он посмотрел на нас и ушел. Мы еще день простояли, и нас отправили обратно.

Меня вновь отправили в запасной полк, где я опять мучился, пока не пришли вербовщики. Выбирать. Я уже на фронте побывал, я уже землянки порыл, я уже наелся всем этим. Я стараюсь сачковать, куда-нибудь полегче. Никакого романтизма. Пожрать, поспать и ничего не делать – это главное. Один офицер набирает в артиллерию большой мощности, Резерв Главного командования. Стоит где-то в Закавказье, в горах. Не воевала с первого дня. И не предполагается, что будет воевать. Подумал: что там-то может быть трудного? Снаряды подносить – эта работа мне не страшна. А что еще? Думаю: такая лафа. И я завербовался».

Однако в Степанакерте Окуджаву перевербовали в пехотное училище.

«Я посчитал: через полгода буду младшим лейтенантом, хромовые сапожки... Там никто ничего не спрашивал, а у меня к тому же высокое девятиклассное образование. Зачислили меня, и началась муштра невыносимая. Такая муштра началась, что не дай Бог. Полгода ждать – умру. Я человек нетерпеливый».

Через три месяца Булат Шалвович обратился к замполиту и доложил о том, что его отец – враг народа. А на следующий день получил назначение в артиллерийскую часть. При установке гаубицы у Окуджавы открылась рана. Отправили в госпиталь. Затем отпуск по ранению на три месяца и демобилизация.

* * *

Он так и останется в истории отечественного кино самым смешным персонажем фильма «Операция “Ы” и другие приключения Шурика» – Федей. Заслуженный артист РСФСР Алексей Макарович Смирнов был призван в ряды Красной Армии 25 февраля 1940 г. ненадолго, но прослужил в ней до 27 мая 1946-го. Всю его жизнь, как и многих других, изменила война. В двадцать один год он встретил ее в артиллерии рядовым.

Первую свою боевую награду – медаль «За отвагу» – Алексей Макарович заслужил 22 июля 1943 г. Приказом по 169-му минометному полку за № 8.

Вторую – орден Красной Звезды – заслужил 28 апреля 1944 г. Приказом по 3-й артиллерийской дивизии прорыва РГК за № 015/Н.

Третью – медаль «За боевые заслуги» – 16 июня 1944 г. Приказом по 3-й артиллерийской дивизии прорыва за № 019/Н.

Следующими боевыми наградами всенародного любимца стали два ордена Славы.

Орденом III степени он был награжден Приказом по 3-й артиллерийской Житомирской дивизии за № 026/Н от 15 сентября 1944 года. В наградном листе на А.М. Смирнова написано: «20 июля 1944 г. в районе высоты 293 противник силою до 40 гитлеровцев атаковал батарею. Товарищ Смирнов, воодушевляя бойцов, бросился в бой и отбил нападение немцев. Сам лично взял в плен 7 гитлеровцев. 27 июля в районе деревни Журавка, выходя из окружения, взял в плен 5 гитлеровцев. Товарищ Смирнов А.М. достоин правительственной награды – ордена Славы III степени. Командир 169 минометного полка Сальцын».

Орденом III степени Смирнова наградили Приказом по войскам 5-й Гвардейской армии за № 035/Н от 27 апреля 1945 г. за то что: «17.01.45 г. в д. Посташевице группа немецких автоматчиков с засады обстреляла автомашины батареи и закрыла путь вперед. Тов. Смирнов с тремя красноармейцами, бросился на немцев и лично из автомата убил 3 гитлеровцев и 2 взял в плен. Батарея получила возможность двигаться вперед.

22.01.45 г., несмотря на интенсивный ружейно-пулеметный и артиллерийско-минометный обстрел противника, с расчетом на себе переправили миномет на левый берег реки Одер, вместе с 36-м Гвардейским стрелковым полком, откуда огнем из миномета уничтожил 2 пулеметных точки в д. Эйхенрид и до 20 гитлеровцев.

36-й Гвардейский стрелковый полк овладел д. Эйнхенрид – плацдарм на левом берегу реки Одер.

Тов. Смирнов А.М. достоин правительственной награды ордена Славы II степени...»

Старшина Смирнов был командиром миномета 169-го минометного полка.

Войну закончил командиром огневого взвода – младшим лейтенантом.

После демобилизации скромный человек, совершенно никогда не бравировавший своими боевыми наградами, вернулся в Ленинград в Театр музыки, где работал артистом...

* * *

Филипп Тимофеевич Петров в отличие от своих предшественников солдат никому неизвестный. Тем не менее его фронтовая биография по-своему уникальна. С 1938 г. до войны он проходил срочную службу на Камчатке в составе 60-го морского погранотряда. Не успел демобилизоваться, как через месяц снова повестка. Но уже на войну. С Барнаула в составе вновь сформированной 42-й краснознаменной бригады, разведчиком, попал под Москву. Филипп Тимофеевич рассказывает: «Зиму 1941–1942 гг. мы ни разу не были в помещении! Строили шалашики, грелись у костров. Действующая армия получала на человека в день по сто граммов сухарей. Помню, нам так плохо стало однажды, что мы лошадь подстрелили и наелись конины без соли. Потом у всех животы поскрутило, не до войны стало...»

Много раз Петров ходил в составе разведгруппы на задание: «Однажды летом пошли в разведку в нейтральную зону. Смотрим, немцы проверяют передний край, а один дурак по нужде поплелся в нашу сторону. Сел в кусты, а мы его тут же и посадили на пятую точку. Фельдфебелем оказался. Видели бы вы его глаза!

На войне чего только не бывает: то мы их, то они нас. Был случай, когда нас обнаружили: моего товарища ранили, а я рукавицы потерял. Помню жалко было рукавицы и странно: как-то мы тогда особо не задумывались, что можно было на войне жизнь потерять так же легко, как варежки. (...) На какое-то время мы забывали, что была у нас когда-то мирная жизнь, что теперь война и через секунду человек, с которым ты только что разговаривал, погибнет. Не верилось до самого конца, не хотелось в это верить. А когда всерьез о том задумывались – мурашки бегали по коже.

Помню, как в начале войны немцы “подшучивали” над нами – сбрасывали пустые дырявые бочки с самолетов, которые летели с гулом и этим шумом всех пугали. Нам казалось, что летит на нас что-то очень страшное. Издевались, сволочи: русские летчики в ту пору только тоску на нас навевали. Фрицы называли их “рус-фанер”. Даже немецкие транспортные самолеты летали низко и глушили наших ребят гранатами. Смотрим в бинокль, а они улыбаются».

За защиту Сталинграда Филипп Петров был удостоен ордена Красной Звезды. Там же, под городом на Волге, его тяжело контузило: «Три месяца пришлось проваляться на больничной койке. Глухонемым. Не могу без слез это вспоминать. Я, наверное, столько в детстве не плакал. Думаю: неужели таким чуркой навсегда останусь?.. Но как-то пришла уборщица и бросила на пол дрова – в этот самый момент у меня что-то треснуло в ухе. Подзываю ее, бормочу невнятно. Она меня все никак не поймет, и я ее тоже. Постепенно слух вернулся, а позже разговаривать научился. После контузии меня хотели комиссовать, но я отказался – решил остаться в оздоровительном батальоне, откуда снова был направлен на передовую. Не мог я по-другому: надо было отомстить за двух моих погибших братьев, и я мстил как мог. Я вам скажу, считались мы с ними за всех погибших ребят. Пусть в холоде, в голоде, но – до Победы...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.